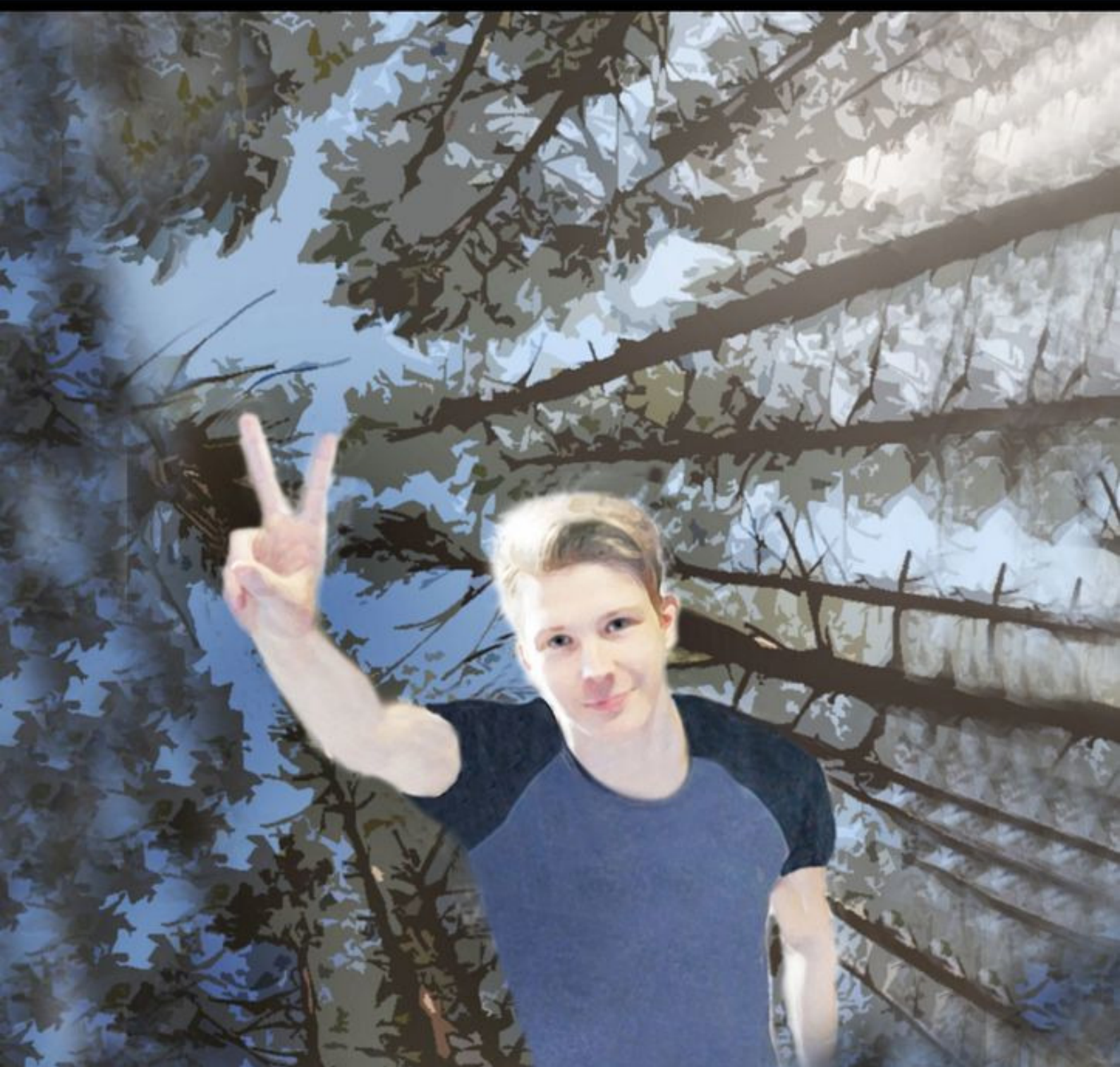

18+

ОЛЕГ РАИН

Слева от солнца

Олег Раин
Слева от слънца

«Издательские решения»

Раин О.

Слева от солнца / О. Раин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-515577-1

Эта книга — лауреат сразу нескольких литературных премий. Она о хакере Генке, знатоке интернета, однажды перешедшем дорогу крупной корпорации. Подростка быстро вычисляют, и по совету участкового Генка смывается из города «от греха подальше» — на все лето к дальним родственникам в деревню Соболевку. Но и там юный герой разворачивает бурную деятельность — строит ветряки, спасает местную малышню, помогает калекам. Когда в Соболевку однажды приезжают бандиты, за Генку вступается вся деревня...

ISBN 978-5-00-515577-1

© Раин О.

© Издательские решения

Содержание

СЛЕВА ОТ СОЛНЦА	6
Часть 1 ХАКЕР	6
Часть 2 КУДЫКИНА ДЫРА	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Слева от солнца

Олег Раин

© Олег Раин, 2020

ISBN 978-5-0051-5577-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЛЕВА ОТ СОЛНЦА

Часть 1 ХАКЕР

*Люди на холме кричат и сходят с ума,
О том, кто сидит на вершине холма...
Nautilus Pompilius*

– Хай, чувачок! Как дышится в реале?

– И дышится, и жуется... – Генка пулеметной дробью молотил по клавишам. Работал, не глядя на пальцы. И то сказать – битый месяц осваивал «слепую» методику, зато теперь отстреливался от приятелей по «чату», не напрягая полушарий. На то «аська» и создана, чтоб не напрягаться. Кто-то что-то слышал, спешит поделиться, а недослышал, так переспрашивает. Короче, если не отключать «аську», можно битый день трепаться. Многие так и поступают, не вылезая из «онлайна» сутками. Чокнутые, если разобраться, – полные крэйзеры, но Генка их понимал. Сам был таким поначалу. Но поумнел. Мозги – не мусорный бак, а тут сплошной флуд...

– Кто чего слышал про «Кассандру»? Говорят, клевая вещь?

– Да уж, не «Виста». Хотя клевая – и стоит клево!

– Смотря где шопингуешь...

Это верно. Генка улыбнулся. Если покупать не в фирменных магазинах, а, скажем, в студенческих лавках или на той же Горбушке, то выложишь сушице копейки. Хотя программка откровенно сырая. Сушить еще и сушить... Впрочем, от дискуссии на эту тему он разумно уклонился. Сетевой треп давно достал, как достали многочисленные «стратегии», услужливо подбрасываемые сетевыми партнерами. Симуляторы, квесты и прочий игровой калейдоскоп вызвали одно лишь стойкое раздражение. Игры, словно близняшки, походили одна на другую – и все без исключения страдали болезнями недоработок. Авторы явно лепили программы абы как и наспех. Орги, драконы американские морпехи и прочая клопиная братия, точно сговорившись, работали по одному скучноватому сценарию. Менялись только личины да перечень оружия. Может, и хорошо, что из этих памперсных штанишек сам Генка давно вырос. Сегодняшние его игры были и прибыльнее, и интереснее.

Отфутболив очередную волну «асек» и обменявшись «смайликами» с Севой Мореходом, хакером новой волны, Гена на минуту задержался над ответом далекой «Волчице». Пару недель назад, получив от него слегка подретушированное фото местного театрального красавца, она принялась забрасывать Генку письмами и пикантными открытками, настойчиво предлагая перейти к общению через ВЕБ-камеры. Обещала «верность и приятные неожиданности». О своем возрасте дамочка ничего не сообщала, но было ей явно за двадцать, а то и за все двадцать пять. Короче, глубокая старушенция, ведать не ведающая, что переписывается с четырнадцатилетним шутником. Пора было с этим завязывать, и Генка без колебаний ввел ее адрес в список запретных. В одну секунду бедная «Волчица» исчезла из его жизни навсегда.

И почти сразу в наушниках пискнул спецвызов, – это звонил уже сотовый. Не отрывая пальцев от клавиатуры, Генка хмуро пробурчал:

– Ты, Колян?

– Я, Генек.

– Бабки, наверное, приготовил?

– Да я... Ты понимаешь, закрутился с сессией. Термех завалил, потом с деканом поспорил, а предки все еще ничего не выслали.

– Только не надо мне троллить! Я эти ля-ля-тополя пять раз в день слышу.

– Да я, правда, звонил предкам! Ну, упертые, блин!

– Самому нужно зарабатывать. Не маленький уже.

– Да все я понимаю, Генек, только непруха.

– Твои проблемы, Колян. Так что кончай юлить, радуйся, что проценты не заряжаю.

– А чего радоваться? Мне что так, что эдак.

– Эдак будет, когда я на Шушу долг переведу. Он с тобой иначе потолкует.

– Гена, ну на фига Шуша-то! Мы же нормально всегда ладили.

– И сейчас поладим, если долг вернешь, – Генка продолжал молотить по клавишам, заходя на очередной форум. – Короче, так: еще неделя сроку, а дальше автоматом перевожу на Шушу.

– Слушай, а если отработать? Ты ведь, говорят, берешь в рабство?

– Я беру тех, кто пахать умеет, а ты, Колян, раздолбай и туник. Потому и сессии одну за другой валишь.

– Я не все валю. Кое-что сдавать получается...

– Вот и расскажешь об этом Шуше. Через неделю! – Генка хлопнул себя по карману, отключая телефон. Вернувшись к клавиатуре, сменил окно и попытался повторно проникнуть в процессор соседа по улице, но уставший от непрерывных атак ламер, кажется, отключился напрочь. На миг Генке даже стало его жаль. Все равно как того же бестолкового Коляна. И чего, спрашивается, трепыхается? Не грабить же его пришли, не троянцев с вирусами засылать. Хотя... Откуда ему знать, кто к нему ломится. С городских улиц мошенничество давно переключивалось в сеть, разросшись столь буйно, что последняя все больше превращалась в амазонские, наполненные анакондами и крокодилами джунгли. Так что Генка этого ламера вполне понимал и даже подумывал о том, что стоит присоветовать парню поставить нормальный брандмауэр и жестко запаролить все доступы к базам данных. Иначе будут и впредь пастись в его файлах все, кому не лень. И травку жевать со свеженьких счетов, и копировать все мало-мальски интересное...

Вспомнив о заказе, Генка заглянул на форум «сталкеров» и не ошибся. Диггеры пока молчали, зато объявился Паша-Мамонт, который готов был поделиться через родной торрент материалами по заброшенному городу Переснево. Команда только-только возвратилась из Сибири и, судя по кодовой фразе, привезла массу ценнейших кадров. После обмена ничего не значащими вопросами Паша-Мамонт, не верящий никому и ничему, потребовал цифрового сертификата, который тут же и получил. Дальнейшая переписка пошла уже в зашифрованном виде, и только после этого Генке выдали обещанное.

Не теряя времени, он тут же раскрыл видеопосылку, развернул окно во весь двадцатидюймовый экран. А посмотреть было на что. Дома, улицы, полуразрушенный завод, даже сохранившиеся карусели в детских двориках, и нигде ни единой живой души. Ни собак, ни котиков, никого.

Почему-то самое тягостное впечатление на Генку произвела именно эта карусель... Когда-то, если верить Пашкиным комментариям, в городе обитало около пяти тысяч жителей, теперь же по заброшенным дворам гулял один ветер. Да еще пришедшие чудаки вроде тех же самостийных «сталкеров». Само собой, выдумщик Паша поминал о призраках, выползающих из домов по ночам, о ночных завываниях и шепотках, но в эти байки Генка уже не верил. В таких опустевших городах дичали ребята и покрепче Паши, а, одичав, начинали видеть марсиан, привидения и российских годзилл. Как бы то ни было, но ролик запрашиваемых денег стоил. Прикинув оптимальный путь перевода, Генка в несколько нажатий переправил на счет «сталкеров» две тысячи долларов. Лишний раз отбил напоминание:

– Эксклюзив на год, не забывай!

– А бабки? – откликнулся Паша-Мамонт.

– Уже на месте, можешь проверить. Две, как договаривались.

– Тогда все хоккеей! еще что-нибудь нужно?

– Что нужно, вы не сумеете.

– А что такое?

– Я уже говорил: города-утопленники. Братское море, Цимлянское водохранилище и все прочее...

– А Ховринка не годится? Мы недавно прогулялись.

– Ховринка вся истоптана, и позитива никакого. Лучше уж наша екатеринбургская ЗБ, там хоть тайн побольше, – Генка чуть подумал. – Хорошо бы, конечно, Мологу заснять или Калязин, о них многие знают, а кадров путевых нет. Можно и другие деревушки поискать.

– И тоже за две?

– Чудак! Умножай на пять-шесть! Это ж подводное видео!

После минутного замешательства Паша отбил:

– Попробуем порешать тему. Дайверы у нас есть, аппаратуру найдем, но сам понимаешь, это не Карибы, искать надо старательно, да и мутно там.

– В том-то и перец.

Обещав подумать, Паша-Мамонт пропал. Генка же, не теряя времени, сдублировал ролик, развернув в видеогамму, вырезал пару самых впечатляющих кусков. Подумав, решил добавить озвучку. Подходящих сэмплов, разумеется, не было, и он поступил проще: подключил коллекционный диск и скачал музыку Альбиниони с флейтой безымянного музыканта. Места еще хватало, и он приплюсовал гитару Ричи Блэкмора. Словом, получилось неплохо. Может, и старо, зато выдержанно и проверено. Скоренько склеив мелодии и наклеив меток, он сверился с адресной книгой и тут же отстучал вызов итальянцам...

Вся сделка заняла не более получаса. Итальянцы взяли ролик без торга, а деньги каскадом перевели сначала немцам, а после банку-посреднику, только-только обосновавшемуся на Урале. Двадцать тысяч евро, из которых за вычетом Пашкиного гонорара Генка получил сегодняшнюю полнокровную прибыль. Попутно подумал, что если фильм пробросить через профессиональную аудиостудию, подрезать и перемонтировать, стоимость возросла бы в разы. Именно так он поступил с материалом киевских диггеров. Мало того, что ребята наткнулись на старую замуровку, так еще и не свое откопали, – «фрицевское». И видно было, что сами не ожидали, что нароят такое. По счастью, у кладоискателей хватило ума все грамотно отснять. Из военной захоронки извлекли кучу истлевших папок с документами, а в сейфе, больше напоминающем купеческий сундук, обнаружилась груда проржавевшего оружия – автоматы, ошибочно называемые «шмайсерами», несколько «вальтеров», рожки с патронами. Все, конечно, ржавое в дым, но знающие люди и не такое приводили в порядок. Словом, пленочка получилась на «ять», и Генка тогда очень постарался – все лишнее удалил, музыку подобрал соответствующую и даже ремарки заказывал аж на трех языках. Спустя год, фрагменты этого фильма демонстрировались уже по всему миру. Один бразильеро даже самовольно вклеил куски в рекламную анимацию своего сайта, но разбираться с ним Генка, понятно, не стал.

Вот и с этим материалом можно было поработать куда основательнее – даже клип наваять! Не из тех шоколадно-дерганых, что тысячами проливались на телеэкраны, а настоящий – с настроением и философией. Жаль только – долго и дорого. Опять же возможна утечка, что при оговоренном эксклюзиве грозит хорошеньким форс-мажором...

На компе снова пошел обстрел «аськами», и Генка попросту отключил интернет-пейджер. Дел еще хватало, и он ринулся по проторенным тропам. Проверив сайты-ловушки, поморщился. За неделю счет пополнился жалкими крохами. Кибернищим уже никто не верил.

Вместо денег посылали в «Бумстартер», наряду с советами засыпали язвительными комментариями.

А вот фирма «Изюм-Руд», за которой Генка давненько присматривал, помимо зазывных баннеров выставила на сайте симпатичный счетчик, наглядно демонстрируя, как быстро растет число ее партнеров и покупателей. Скорее всего, фирмочка блефовала, но счет Генку заинтересовал. Вскрывать таких монстров было, конечно, предприятием безумным, но перехватить парочку-другую клиентов и наведаться в гости – представлялось вполне реальным.

Пальцы вновь замелькали по клавиатуре, взглядом Генка присосался к экрану. Это напоминало ту же игру на симуляторе, но участвовали в ней вполне живые игроки, а защитные программы в любой момент могли ответить на дерзкие приложения жесткой контратакой.

Ай-Пи адресок ему удалось вычислить один-единственный, но и этого было вполне достаточно. Машина невольного посредника – бедного «сакса», приберегаемого именно для такого случая, покорно подставила загорбок, и именно с него, законнектившись с пациентом, Генка пустил в ход проверенный «крэкер». Отмычка сработал на удивление легко (видно, гостя не ждали), и, без проблем проникнув в чужую машину, Генка бросил в бой главные силы.

Нужную глубину загрузки он установил заранее, но браузер все-таки оплошал – качал страницы с такой неспешностью, что хотелось выть и рвать на голове волосы. Дискового кэша явно не хватало, и Генка скрежетал зубами, следя за тем, как одна за другой наполняются красным соком ячейки программы «вампира». По-настоящему его еще не засекали, но, конечно, уже вовсю искали. На адресе сидел опытный «юзер», а может, даже и не один. Во всяком случае, «сакса» они вычислили и уже долбили вовсю ответными атаками. Если бы не Генкин «щит», лавина электронных импульсов успела бы пробить дорогу и сюда, но электронная засека натиск чужаков пока сдерживала. Яростно почесав нос, Генка мысленно прикинул: десять, может быть, пятнадцать секунд – и надо отрубаться...

Но отрубился сам «сакс». Видно, у парня хватило ума-разума понять, что его самым натуральным образом топчут и плющат. А потому, недолго думая, бедолага попросту нажал кнопку и выдернул штепсель из розетки.

Генка взглянул в кэш-накопитель и разочарованно прищелкнул языком. Ему не хватило самой малости, но именно эта малость обращала в пыль все потраченные усилия. То есть, может, не совсем в пыль, но весь накопленный опыт подсказывал, что главного ключика он добыть не сумел.

Привычно перебросив «добычу» в свободный «садок», Генка вывел его иконкой на рабочем столе и сумрачно потер лоб. Позже можно будет спокойно и неспешно просмотреть запись в «оффлайне», покопаться и порасшифровывать, хотя вряд ли там что-нибудь найдется.

Теперь можно было расслабиться, и, заведя через «Winamp» свой любимый песенный альбом, он прикрыл глаза.

Играла ныне забытая «АББА». Откинувшись на спинке кресла, Генка подцепил со стола кружку с кофе, медленными глотками выщедил напиток до дна. Кофе давно остыл, да и было его там всего на полтора пальца, но вставать, идти на кухню, разогреть чайник не хотелось. Покончив с кофе, он поставил кружку на место, ласково погладил серебристый ободок экран. Раньше у него стоял здоровенный аналоговый гроб фирмы «Самсунг», и на столе совершенно не было места. Новый жидкокристаллический экран принадлежал той же фирме, но оказался вдесятеро компактнее. Помимо клавиатуры на стол теперь можно было класть тетради с записями, ставить тарелки с едой и даже забрасывать ноги. Что и говорить, экранчики пошли замечательные! А вот системный блок опять следовало подтягивать. Машинка по любому работала медленно, значит, снова нужно менять «камень», «раму» и прочую требуху. Бесконечный апгрейд, сводящий с ума и неустанным хоботком высасывающий все свободные финансы. А главное – чем дальше, тем хуже. Потому что качество переходит в количество быстрее, чем второе в первое. По этой самой причине и «вампиры» с «оффлайн-браузерами» уже не помо-

гали. Обилие выбора оборачивалось трагедией Буриданова осла. Из сотен морковок ты уже не выбирал, а «хавал» все подряд, желудок раздувался, как детский шарик, и бедный осел испускал дух. Не от голода, – от пережора...

Должно быть, он задремал. И даже успел увидеть короткий энергичный сон. Что-то о тиграх, бегущих по пятам. Зверюги поблескивали клыками, брызгали слюной, но страх почему-то напрочь отсутствовал. Наоборот – было весело, и Генка по-птичьи перелетал с места на место, то и дело умудряясь дразнить и обманывать тигров. Полосатые твари заходились в рыке и меняли тактику. Сам Генка при этом недоумевал, ведь звери не могут и не должны думать! – но происходило как раз обратное. С каждой минутой тигры набирались ума-разума, и обманывать их становилось все труднее. Однако чем завершилась погоня, он так и не досмотрел. Замигавшая красная лампа на стене вырвала из сна, заставила открыть глаза и стянуть с головы наушники. В мозг немедленно ворвался щебет дверного звонка. Генка нахмурился. Переждав несколько трелей, понял, что сам по себе звонок не уймется. Значит, придется идти открывать.

Поднявшись, он ощутил, что его крепко покачивает. Колени подрагивали, позвоночный столб гудел, как гитарная струна. Вот уж действительно засиделся...

Уже в прихожей Генка отодвинул шторку глазка, глянул через мутноватую линзу. И тут же отпрянул.

– Открывай, открывай! Вижу, что дома. Это я. Поговорить надо...

Надо-то надо, но за одним разговором милиция не приходит.

– Сейчас, – тоненько откликнулся Генка. – Я только оденусь.

– Ты что, голый? Мне ждать некогда!

– Три минуты! – Генка опрометью бросился в свою комнату, в аварийном режиме отключил компьютер, сорвав кожух, вытащил жесткий диск, сунул в картонную коробку, забитую мусором. Поискав, воткнул старенький «винт», на котором ничего, кроме «Фотошопа» с «Вордом» вроде и не было.

Бегом вернувшись обратно, щелкнул замком. У порога и впрямь стоял участковый Витальич – при полном боевом параде, багровый и насуспенный. За спиной его топтался еще один человек – уже в штатском. Разумеется, обоим не терпелось побыстрее проникнуть в квартиру.

– А ордерочек? – сладко поинтересовался Генка.

– Перебьешься! Мать-то дома?

– Откуда? На работе, естественно.

– Значит, обойдемся без нее.

– Дядь Саш, как же так!

– Кому дядь Саш, а кому и Александр Витальевич, – участковый обернулся к штатскому. – Проходите, смотрите. Что нужно, забирайте.

– Ничего себе! По какому такому праву? – возмутился Генка.

– Ты мне тут не бузи! – рассердился участковый. – Это товарищ из «Магнолии». Программист. Ты, говорят, на их сервер покушался, вот и пришли разобраться.

– Какое там – разобраться! Уже второй раз «винт» отдаю! А он, между прочим, три косаря стоит!

– Нет, браток, на этот раз мы у тебя не только винчестер заберем, но и от сети отключим. – Витальич глянул на подростка в упор. – Ну, а все нужные бумажки ты у нас перед судом получишь...

– Так может, не он?

– Кому больше-то! В этом деле ошибок не бывает, следы – они всегда остаются... – штатский потрогал кожух компьютера. – И корпус теплый еще. Значит, только-только выключил.

– А вы докажите! – вякнул Генка.

– Докажем.

– Без пароля-то?

– Не ты один умеешь системы взламывать.

– Что-то я не понимаю, – встрял участковый. – Компьютер, что ли, не заводится? Почему?

– Потому что не «Жигули», – сердито пробурчал штатский. – Тут пароль нужен, а этот сморчок молчит.

– Я не молчу, я забыл! – фыркнул Генка. – Вы кричите, гадости всякие говорите, я и забыл с перепугу.

– Плюс некорректное выключение, – словно не слыша его, продолжал штатский. – Так что, боюсь, провозимся.

– Это плохо, – участковый с осуждением глянул на Генку. – Мда... Будь я твоим отцом, снял бы ремень да всыпал по первую пятницу.

– Сначала усыновите! – нахально предложил Генка.

Александр Витальевич смущенно глянул на штатского.

– Видали, какой зубоскал! И кто ему ума вколотит?

– Вот мы и попробуем.

На минуту в каморке повисло тяжелое молчание. Набывчившись, штатский продолжал терзать клавиатуру, участковый рассеянно дергал себя за ухо. Прикорнув в уголке, Генка принял разнесчастный вид. Пару раз глянув на него, милиционер обратился к штатскому:

– А может, черт с ним? Вы же хотели убедиться в несанкционированном доступе, вот и убедились. Сервер «Магнолии» не пострадал, так что отключайте паршивца от сети, заберите все, что нужно, и разбежимся по-хорошему.

– По-хорошему уже не получится, – штатский продолжал хмуриться. – Да и зачем? Таким дай палец, – руку отхватят.

– Какая рука! Дядь Саш! – Генка изобразил возмущение. – Это ж полная фигня получается! Ворвались, предъявляют чего-то – реальный беспредел!

– Ты помолчи, хакер сопливый! – участковый скривился. – Не было мне мороки, как «железо» ваше изучать!

– Это прогресс, а не «железо».

– Ага! С биржевыми спекуляциями и палеными программами!

– Сеть не я придумал, – парировал Генка. – И биржу, кстати, тоже.

– Все... – штатский погасил экран, аккуратно извлек из гнезда жесткий диск. – С этим разберемся попозже.

– Разбирайтесь! – Генка хмыкнул. – Если сумеете.

– Сумеем...

– А последствий не боитесь? – Генка продолжал улыбаться. – Я ведь обидеться могу.

– Мне на твои обиды, малец, как с пятого этажа на газон.

– Не пожалеть бы потом!

– Это ты судье скажешь.

– Бросьте, какой суд! Доказательной базы у вас кот наплакал, а мне к тому же всего четырнадцать.

– Для детской колонии – в самый раз.

– Ладно... – Генка нехорошо прищурился. – Только не удивляйтесь потом, когда акции вашей разлюбезной «Магнолии» вниз покатятся. И медеплавильный у вас москвичи перекупят...

– Чего, чего?

– Да ничего. Банк-то ваш всего первый год, как вылутился. Думаете, так сложно его опустить? Миллиончиков этак на сорок-пятьдесят?

Штатский уставился на Генку, даже рот чуть приоткрыл. Участковый тоже насторожился.

– Ты меня еще флэш-мобом начни пугать!

– А вы в такие вещи не верите? – Генка невинно почесал макушку.

– Что-то я не того... – Александр Витальевич крутил головой, поочередно глядя то на штатского, то на Генку. – Это о чем он тут судачит?

Штатский напряженно улыбнулся.

– Ваш подопечный мне вроде как угрожает.

– Все даже не угрожаю, просто размышляю вслух, – Генка пожал плечами. – Засадить подростка – дело несложное, только ведь мир на мне не кончается. Есть адвокаты, друзья. Я бы даже сказал: много друзей, которые обязательно обратят внимание на «Магнолию». Не такая уж могучая компания. Неделю-другую, конечно, продержится, а дальше, кто знает... Во всяком случае, совету учредителей вряд ли понравится то, что происходит с их позитивами.

– Эй! Ты чего тут городишь! – Александр Витальевич недовольно тряхнул головой. – Слов-то каких нахватался! Учредители, позитивы...

– А чего, нормальные слова, – покосившись, на штатского, Генка добавил: – Я только хотел сказать, что всегда можно договориться. Вы уж передайте это гражданину Касаюте. Так, кажется, зовут вашего гендиректора?

– Ну? – штатский нахмурился.

– Вот и поговорите с ним. Лишние проблемы никому не нужны. Ни вам, ни мне.

– Интересно... – штатский помолчал, – что же ты такое можешь нам сделать?

Голос его походил на шуршание бумаги.

– Конечно, ничего! Я же маленький, глупенький – об этом и речь, – на лице Генки отразилось удивление. – Другое дело – друзья по переписке. Или, к примеру, спам-штурм, слышали о таком? Это когда куча-мала – да на одну компанию. А кто поумней – и «скриптов» помудрее набросает. Пустячок, а хуже энцефалитного клеща. Пять против одного, что работа компании встанет. Как раз на те недели, за которые встрепенутся конкуренты в Москве. Вы только не забудьте рассказать об этом господину Касаюте.

– Ты сам-то за свой синдикат не боишься? – физиономия штатского порозовела, – мы ведь тоже кое-что раскопали. Сколько там гастарбайтеров на тебя батрачат?

– Это вы что-то путайте, дяденька, – Генка обезоруживающе улыбнулся. – Гастарбайтеры какие-то...

– Не виляй, парень! Вон у тебя сколько аппаратуры! Ксерокс, принтер, сканер с камерой. И АПС явно не дешевый. Интересно, на какие такие денежки ты все это приобрел?

– Не ваше дело!

– Ошибаешься, очень даже наше. Думаю, порою в твоём «винте», много чего интересного сыщем.

– Ищите, ищите!

– Я что-то не понимаю... – начал было участковый, но штатский снова его перебил:

– Зато я понимаю! Парнишка умничает, цену себе набивает. Не его бы возраст...

– Ну? – Генка напыжился. – И что бы, если б не мой возраст?

– А вот увидишь... – штатский достал из кармана кусачки. Тяжело посмотрел на Генку. – Ты, может, и умник, да только не радуйся прежде времени. От сети, уж извини, я тебя отключу.

– Ага, – кивнул Генка. – Только осторожнее. Там у нас коммутатор на лестнице, – «выделенка» сразу на троих, не перепутайте.

– Не перепутаю...

Поцелкивая кусачками, штатский вышел из квартиры. Участковый нервно подмигнул Генке.

- Чего язык-то распускаешь? Еще пугать вздумал!
- Он первый начал.
- Сам, значит, виноват.
- Да ладно, не переживайте, – Гена пересел на стул, на котором до этого располагался штатский, по-хозяйски забросил ноги на компьютерный стол. – Ну, побаловался разок, с кем не бывает.
- Значит, все-таки взламывал этих парней?
- Какой там взлом, – пощупал чуток, и всех делов. За что сажать-то!
- Ох, и дурак ты, братец! – сняв с себя фуражку, Александр Витальевич карикатурным, сотни раз обыгранным в фильмах движением, обтер лоб платком. Генка мстительно хмыкнул. Тот, кто придумал фуражки, явно не заботился о комфорте служивых.
- А с Шушей у тебя какие отношения?
- Никаких.
- И снова врешь, – участковый покачал головой. – Он же здоровенный лоб, да еще срок имел!
- Так это давно.
- Он и сейчас с криминалом водится, на рынке вечно трется.
- Ну и что? Зато чемпион города по кик-боксингу.
- Ага, вот ты и держишься за его подол.
- Никто не держится! Я с братом его в одном классе учусь, только и всего.
- И с братом нечего водится. Нашел себе дружка!
- Сын за отца не ответчик. А брат – за брата.
- Это как сказать... – Александр Витальевич приблизился к окну, цепким взором обжегал знакомый до последней проплешины двор. Внизу на лавочке общались старушки – как водится, переливали из пустого в порожнее, жаловались на болячки, ругали больницы. Глядеть на них было одно удовольствие – сухонькие и упитанные, сгорбленные и равнодушные. Участковый подумал, что скоро таких в стране не останется вовсе. Либо выведут, как моль, либо сами начнут следить за фигурами, красить волосы, подтягивать кожу и заниматься фитнесом. Лавочная дружба канет в небытие.
- Мда... – он грузно развернулся, ногой тронул стоящий у стены чемоданчик. – А это у тебя что?
- Проектор для фотопечати.
- Здорово! Я тоже когда-то любил печатать фотографии. Сколько ночей за кюветами провел!
- Если хотите, забирайте.
- Как это?
- А просто. Взяли, подняли и унесли.
- Ишь как просто! Не жалко?
- А чего жалеть! – Гена пожал плечами. – Еще и катушечный магнитофон где-то пылился. То ли «Астра», то ли «Яуза». Если надо, отдам. Мне этот гроб тоже ни к чему. Сейчас главный бог – цифра.
- Ага, знаю. Флэшки, «сидишки»...
- «Сиди» – уже на свалке. Давно «дивиди» идет. Только это тоже лет на пять-десять максимум. Потом кристаллы рынок забьют. Или какая-нибудь оптобиология. Так что забирайте.
- Легко же ты вещами бросаешься, – участковый кивнул на заставленный аппаратурой стол. – Мужик-то правду говорил, – не на родительские деньги куплено.
- А хоть бы и на свои!
- Откуда они у тебя – свои-то?
- Зарабатываю. Программы продаю, опытом делюсь.

– Знаю я твой опыт... – Александр Витальевич ткнулся глазами в оклеенную картинками стену и неожиданно покраснел. На многочисленных цветных распечатках красовались фигуристые девицы – все с саблями, автоматами да самурайскими мечами. Тут же по соседству культуристы в байкерских кожанках усмиряли сверкающие мототанки, а татуированные лохмачи душили в руках электрогитары. – Ну, и комнатка у тебя! Ни окон, ни дверей, полна горница зверей.

– Одно окно есть, – проворчал Генка, – то есть, было.

– Какое еще окно?

– Я про это, – подросток указал на компьютер. – Петр окно в Европу прорубил, а это мое окно – в мир.

– Если бы ты из этого окна только глядел, но ты ведь еще и тащишь!

– А вы докажите!

– На, кулибин хренов! Думаешь, просто так к тебе заявились? – участковый достал из кармана распечатку, сердито развернул. – Сам я в этом мало что смыслю, но это вроде как следы и улики. И между прочим, твоя машина насвинячила, не чья-нибудь. Спецы из «Магнолии» это докажут.

Генка удостоил бумажку небрежного взгляда, скривил губы.

– Пусть попробуют!

– Дурила ты! – Александр Витальевич рассердился. – Посмотри на свои руки – ни мяса, ни костей. Небось, на турнике ни разу не подтянешься.

– Я не альпинист.

– Не альпинист... Тебя даже в армию не возьмут!

– А я и не рвусь. Чего я там не видел? Дедов с пьяными прапорами?

– Во-во! Нагляделись, понимаешь, передач! Что ты можешь знать про армию?

– А чего про нее знать-то? Торпеды на стапелях взрываются, ракеты из шахт не взлетают. Водка, скука да мордобой. Кому повезет, может, дадут раза два в мишень стрельнуть, а кому нет, тот сам в кого-нибудь пальнет.

– В кого это?

– Да в тех же дедов с прапорами.

Участковый только головой покрутил.

– Откуда вы только берете эту блажь? По телевизору насмотрелись?

– Нужен он мне! У меня интернет имеется, – он раз в сто больше любого телевизора выдаст. Никаких университетов не надо. Нужна свежая инфа, подключайся к блогерам. А документы качай из Кремлевки или из библиотеки Конгресса США. Постараться – так можно и к цэйрушным каталогам подключиться.

– Ну да? – заинтересовался Александр Витальевич.

– Ага. Только опасно. Такие санкции предъявят, мало не покажется. И налетят, как вы сегодня.

– И правильно сделают!

– Совсем даже неправильно. Нечего тогда трепаться про права и свободу.

Участковый поморщился, точно от зубной боли. Разговор с Генкой явно шел под откос, пора было уходить.

Уже у порога он обернулся:

– А правду говорят, что на тебя целый подпольный цех в интернете работает?

– Ну да, я же реальный миллионер! – Генка расплылся. – И езжу на «Бентли» с личным шофером. Не видели случайно у подъезда?

– Трепач! Вот подловят в темном углу, начистят моську, и ты своими хилыми ручонками даже защититься не сумеешь.

– Мне ручонки не нужны, у меня шокер есть.

Участковый только отмахнулся.

– Бесплезно...

В доме было жарко и душно, однако улица свежестью тоже не радовала. Неподалеку от подъезда распугивали тишину двое: Гера дворник набивал метлу на палку, а рядом копался в мусоре и грохотал у контейнеров пришлый бомж – должно быть, добывал золото и прочий цветмет. Заметив показавшегося на улице милиционера, бомж торопливо подхватил свой узелок, притаился за контейнерами, дворник Гера тоже прекратил стучать и скучно завозил метлой по асфальту.

Отвернувшись от них, участковый по-стариковски вздохнул и снова полез в карман за смятым платком. Вышедший следом штатский нервно закурил, раскрыв дипломат, зашуршал бумагами. Было видно, что держать раскрытый чемоданчик на весу ему неудобно, но ставить своего красавца на пыльную неухоженную скамью он явно безговал.

– Что-нибудь еще? – поинтересовался Александр Витальевич.

– Да нет, на сегодня все, можешь отдыхать, – штатский наконец-то закрыл замки дипломата. Пыхнув дымом, оттопырил мизинец и словно клопа стряхнул с плеча спланировавший с тополя лист. – Но ты не расслабляйся, на днях вызовем.

– Опять, значит, приедете?

– А ты как думал! Надо добывать паршивца, – глаза мужчины блеснули стальным недобрым отсветом. – Угрожать он вздумал! Щенок желторотый! Это нам-то! Еще и имя Касаюты откуда-то узнал...

– Это что, директор ваш?

Штатский кивнул. Стараясь не попасть на костюм, все с той же осторожной безгливостью стряхнул пепел на землю.

– Ничего, подключим к делу ищеек пошустрее, нароем жареных фактов и посадим наглеца. Тоже мне – орех Кракатук нашелся! Не таких раскальвали.

– А не жалко? Парнишка-то головастый. И школу еще не закончил. Может, не стоит ему жизнь рушить?

– Вот таких головастых и надо в первую очередь обламывать, – штатский сплюнул под ноги. – И фирме прецедент нужен, я ведь объяснял! Одного суслика посадим, другим неповадно будет.

– Хмм... А что по этому поводу законы говорят?

– Ты за наши законы не волнуйся, – штатский фыркнул, – нужную статью мы всегда подберем. Сам, небось, знаешь, закон – что дышло...

– Ага, особенно для богатеньких, – обращение на «ты» все больше нервировало участкового. Нужно было бы сказать «ты» ответно, но язык не поворачивался. Может, оттого, что помнил: поначалу штатский говорил ему «вы», а теперь вот «раскусил, разжевал» и понял, что церемониться с простоватым участковым вовсе необязательно.

– Верно. Богатые потому и богатые, что знают законы.

– И сами их сочиняют, – добавил Александр Витальевич. – Для себя.

– Для кого же еще... – штатский небрежно сунул участковому руку. Пожатие вышло вялым. – В общем, присматривай за архаровцем. Как бы не слинял до срока.

Александр Витальевич неопределенно качнул головой. Выплюнув сигарету, штатский развернулся. Идти ему было недалеко – всего-то пяток шагов до белоснежного лимузина – не то «Хонды», не то «Хендэ», а может, и вовсе какой-нибудь «Тойоты». В современной технике участковый разбирался слабо, – слава богу, не в ДПС и не ГИБДД служил. Машин же стало, как мошканы. «Субару», «Судзуки», «Рено», «Ниссаны», «Шевроле», «Доджи» – от чужих названий и броских значков рябило в глазах. Запоминать новые марки казалось лишним и скучным, хотя... В молодости молодой Саша тоже любил моторы, чистил свечи и перебирал кар-

бюраторы, гонял на ижевских мотоциклах, даже мечтал стать гонщиком. Однако не довелось и не случилось. Лестничными пролетами годы подвели к четвертому десятку, желания утратили остроту, а любовь к автоделу поблекла. Собственной машиной участковый так и не обзавелся, а те же мотоциклы в городе смотрелись диковато. Вот и приобщился к племени пешеходов, по привычке и смирился...

Автомобиль сердитого гостя бесшумно тронулся с места, призрачной рыбиной скользнула за угол. Участковый повторно обтер лоснящееся от пота лицо, обежал двор глазами.

В песочнице возилась стайка мальцов, – дети рыли котлованы, строили крепости, гудели губенками, старательно изображали шум двигателей. Рядом сидели мамыши – все как одна с пивом и сигаретками. Дымили дружно и также дружно трещали языками. И хоть бы одна читала какую-нибудь книжку! А не книжку, так журнал, что ли!

Тополь-гигант священником протянул ветви-ладони над песочницей. То ли уберегал от палящего солнца, то ли опускал грехи курящим мамашам. Одна ветка – такая толстая, что и веткой уже не назовешь, убежала от ствола метров на десять. «Не сломалась бы, – обеспокоился участковый, – сказать надо дворнику, пусть найдет время и спилит»...

Пора было уходить, но Александр Витальевич продолжал топтаться возле Генкиного подъезда. На душе было муторно и неудобно. Может, от курящих мамаш, а может, от недавнего разговора со штатским.

Из проулка дохнуло нечаянным ветерком, и тотчас возле мусорных контейнеров родился вихрь. Танцую из стороны в сторону, маленький торнадо прошелся по тротуару, шутя разбросал подметенные дворником прошлогодние листья, накручивая пакеты и бумажный мусор, прокатился по дороге и, в конце концов, загадочно испарился.

Продолжая хмуриться, Александр Витальевич опустил голову. Возле правой туфли все еще дымила брошенная штатским сигарета. Участковый придушил ее тяжелым каблуком и вновь зашел в подъезд.

– Забыли что-нибудь? – судя по Генкиной физиономии, возвращению родной милиции он вовсе не обрадовался.

– Может быть... – Александр Витальевич прошагал в комнату, ладонью огладил на себе мундир. Парнишка без дела не сидел, – разумеется, уже и компьютер включил, и что-то там снова налаживал, словно и не случилось ничего. – Ты, братец, вот что... Послушай меня и не перебивай.

– Ну, ну? – Генка скрестил на груди руки, выгнул брови, изображая дурашливое внимание. Посмотрев ему в лицо, участковый рассвирепел.

– Не понимаю! Что за время пришло! Пиво хлещут, вены портят, от табака синеют – еще и хаханьки строят. Вот сейчас, например, ты чего улыбаешься?

– Так это... Типа, вас слушаю.

– Вот именно, что «типа»! Если бы слушал, с обыском к тебе не приходили бы. Ведь посадят дурака, и запоешь! Са-авсем другие песни.

– Не запою, у меня слуха нет.

– Остряк! Для таких песен и слух не понадобится.

– Да ладно вам, кто посадит-то!

– Найдутся желающие. Не о них речь, о тебе! – Александр Витальевич нервно прошелся по комнатухе. – Я ж тебя еще совсем мальцом помню! Не наркоша, не алкаш, со шпаной не якшался. И учился вроде неплохо...

– Я и сейчас учусь.

– И молодец, что учишься! Когда мы с тобой познакомились? Лет в семь, наверное?

– Мне семь было, вам чуть побольше...

– Опять остришь?

– Так знакомство-то веселое получилось! Я тогда стекло в подъезде грохнул, рогатку новую испытывал.

– Да? – удивился участковый. – Стекло помню, а рогатку нет.

– Правильно! Я ее в цветник успел выкинуть. Вы меня за ухо оттрепали, но рогатку так и не нашли.

– Ну, вот! Нормальный же был парнишка! Вихрастый, смышленный – знал, куда рогатки прятать. Опять же мяч гонял, в ляпы играл. Куда все ушло?

– Да никуда...

– Вот именно, что в никуда! Чего же ты жизнь свою на железо променял?

– А что мне еще делать? «Жуйдаплюем» торговать?

– Причем тут это! Есть и другие в жизни интересы. Путешествия, спорт... А у тебя даже книг на полках не видно.

– Зачем мне книги? Все тексты в сети имеются.

– Опять в сети! Прямо как заболели все кругом – сеть да сеть! Одни игрушки на уме! – Александр Витальевич даже прилепнул себя по бедру. – Так жизнь и проиграете! Быстрее, чем в карты... Я в твои годы байдарками увлекался, историей. Про мушкетеров читал, про татаро-монгольское иго...

– Оно и видно.

– Что тебе видно!

– Да то, что ерундой голову забивали. Дюма-то про мушкетеров все не так прописал. Красиво, конечно, но неправда. И с татаро-монголами сплошные непонятки.

– Какие еще непонятки?

– Да сами почитайте! Сегодня, дядь Саш, вся история в Голливуде пишется. Что Спартак, что Троя... И книг скоро совсем не будет, – у всех останется по одной-единственной – с процессором и гибким экраном. То есть, по виду как книга, а по сути – компьютер. И в памяти – любая желаемая библиотека.

– Об этом ты, значит, и мечтаешь?

– Да нет, конечно. Я, дядь Саш, мечтаю, чтобы в другой жизни родиться.

– Чего, чего? – лицо у Александра Витальевича вытянулось.

– Ну да! Дождаться, когда нормальные компы пойдут, чтобы, значит, игры из виртуала в реал окончательно перетасили. С полным комплексом ощущений и быстроедействием, как в реальном времени. И чтобы ловили меня не сыскари-частники, а настоящая сетевая полиция, с которой и в жмурки поиграть будет не стыдно.

– Ну, балбес! Ну, олух! – участковый закрутил головой. – Видно, и впрямь бесполезно... Дубовое поколение! Непрошибаемое!

– Да не переживайте вы за нас! Как-нибудь выплывем.

– Куда вы выплывете?

– Да на сушу, – Генка продолжал посмеиваться. – Это Помпадур, кажется, сказала: «После нас хоть потоп». Вот и будем выплывать. Как Ной и зайчики деда Мазая.

– Короче! – оборвал его Александр Витальевич. – Всю эту чушь ты дружкам своим рассказывай, а я сюда пришел, чтобы предупредить: эти парни тебя закроют, так и знай. И мой тебе совет: уезжай побыстрее. Можешь, конечно, хорохориться, но они тебя из лап не выпустят, – для них это дело принципа. И загремишь без всяких фанфар.

– Шутите?

– Это ты скоро начнешь шутить. Когда угодишь в колонию. И не будет тебе уже ни компьютеров, ни игр, ни дружков сопливых. Остригут на всю жизнь, как овцу глупую! – Александр Витальевич хрустнул кулаком. – Так-то, Геночка! Поэтому сегодня же собирай вещи – и в двадцать четыре часа за пределы города!

– Куда это я поеду?

– А куда хочешь. Чем подальше от этих ребятков, тем лучше. Сумеешь лето продержаться, авось, и мимо тучки пройдут, – участковый порылся в карманах и сунул парнишке простенькую визитку с телефоном. – В конце августа позвонишь, расскажу, как тут и что. А до той поры носа не высовывай.

Продолжая ухмыляться, визитку Генка все же взял.

– И запомни: ни родители, ни школа, ни эта железка – твоих ошибок не исправят. Только от тебя зависит, каким боком к тебе повернется жизнь. Вот и думай!

Участковый вышел, хлопнув дверью. Хлопнул крепко – даже известка с потолка посыпалась. С напряженной улыбкой Генка оглянулся на компьютер. Кулер гудел все также весело, но жизнь все-таки изменилась. И кажется, не в лучшую сторону.

Дни бывают разные – пасмурные и светлые, теплые и холодные, длинные и стремительные. Генка же делил их по иному принципу – удачные и неудачные. Что-то зависело от него, а что-то от вещей неподконтрольных, временами откровенно мистических. Скажем, в это утро он разбил кружку. Старая, уже с трещинкой, – могла бы, наверное, служить еще лет сто, но вот взяла и разбилась. И сегодня же в квартиру к нему заявились незваные гости. Совпадение? Вряд ли... По всем признакам день следовало обвести черным кружком, и, чуть посомневавшись, Генка набрал номер приятеля.

– Стас, ты где?

– Так это... У компа торчу.

– Все за монстриками бегаешь?

– Ползаю. У меня памяти не хватает! Процессор виснет, я репу чешу.

– А чего новую память не купишь?

– Так это... С деньгами напряг. Брат вообще-то давал, а я велик купил. Теперь на нулях.

Генка коротко шмыгнул.

– Могу помочь.

– Деньгами?

– Зачем? Одолжу свою оперативку – месяца на два. У меня восемь гигов, подойдет?

– Ты что, прикалываешься?

– Да нет. Все равно мне канал обрезали, винчестер сдернули, в ближайшее время буду в бегах и без машины. Так что оперативка без надобности.

– погоди, погоди! Что случилось-то?

– Долго объяснять, – Генка поглядел в настенное зеркало, сам себе скорчил рожу. – Лучше подскажи, где мне увидеться с Окулистом?

– Ну, ты дал! Зачем тебе Окулист?

– Значит, надо.

– Посоветоваться? Или насчет «крыши»?

– И то, и другое.

– Круто! Это же Окулист! Главный юрист фирмы!

– Ну и что? Мы с ним уже пересекались, вот и встретимся еще разок. Короче, свяжись с братом, попроси, чтобы устроил. Только обязательно сегодня.

– Да ты с дуба рухнул! Кто меня послушает!

– Попросишь правильно, – послушают. Мне ведь только встретиться, а уж там я сам разберусь.

– Ты разберешься, а мне по кумполу настучат.

– Не настучат. Я Окулисту полгода назад кидал одних помог отыскать. Причем не здесь сидели, а ажно в западной Украине.

– И что они такого натворили?

– Сливали на мобильники анекдоты с мелодиями.

– И чего?

– А того! Сливали гигабайтами и без спросу. Потом трясли с людей деньги и прикрывались фирмой «Василиск». Причем грамотно так прикрывались. Потому что в договорах «Василиска» лазейки, оказывается, были. И ничего твой главный юрист поделывать тогда не мог! – Генка фыркнул. – Прикинь, их на лимон с лишним обули, прежде чем они зачесались. А я реально помог! Нашел этих шустриков и факты для предъявы собрал. Так что должен меня помнить ваш юрист.

– Должен-то должен, только больно ему это нужно!

– Зато мне нужно.

– Слушай, а может, хватит моего брательника?

– Нет, Стасик, Шуша эту тему не вытянет. Там серьезная контора, одних кулаков мало.

– Зачем тогда цапался?

– Это не я, это они... – Генка сердито потер нос. – Короче, с меня оперативка, с тебя Окулист, идет?

– Ну, я могу, конечно, попробовать, хотя рискую.

– Вся жизнь, Стасик, риск.

– Тогда это... Надо бы еще вот что...

– Ну-ну?

– Брат просил несколько кадров срисовать.

– Опять в «Цивилизации»?

– Ага. Ты же знаешь, главный у них давно запал на эту игру.

– Нашел, тоже, шедевр!

– Ну так-то он так... Но он, понимаешь, залип.

– Как и ты – на третью?

– Да нет, он уже и четвертую версию, и пятую пробовал.

– И что?

– Ничего. Пятая-то совсем ботва, он на четвертую вернулся.

– По мне так и четвертая – ботва ботвой. Мультишка для мальков.

– А ему нравится. Только вот любит, чтобы у королей физии были, как у компаньонов.

И чтобы, значит, именовались не королями, а президентами компаний, мэрами, губернаторами.

– Да хоть маркшейдерами!

– Это еще что за фрукты-овощи?

– Маркшейдеры – не овощи, а профессия. Что-то там под землей... – Генка широко зевнул. Детские заказы Стаса его утомили.

– Так что? Наделаешь нужных плагинчиков?

– Плагин-паладин... Это ж такое западалово... – Генка протяжно вздохнул. – Слушай! Может, мне вовсе послать вас по левой боковой и сразу к главному обратиться?

– Смеешься, да? Братан сам к нему не суется. Давай уж лучше с Окулистом.

– С окулистом-пессимистом-аферистом... – промышчал Генка, раздумывая.

– Т о чем там?

– Да так... Считай, что договорились. Вечером пересечемся. – Генка отключил телефон и шатко прошествовал в кухню.

Воды, конечно, опять не было – ни в кувшине, ни в чайнике. Он подключил угольный фильтр к крану, пластмассовый носик нацелил в банку. Теперь набраться терпения и чуток подождать. Другие, конечно, так кипятят, но Генка хорошо запомнил выловленную в «нете» статью о хлорке, превращающейся при кипячении в боевое отравляющее вещество. Информация была подписана столичным академиком и в память запала крепко. Может, конечно, рекламная залипуха, но Генка поверил.

Чтобы как-то скоротать время, парнишка вернулся к себе, сумрачно взглянул на развороченную постель. Это у него осталось с детства. Мама говорила, он и маленьким, вворачивался в наволочки, словно шуруп. Порой так закутывался, что начинал задыхаться. Теперь Генка не задыхался, но мерз. Потому что ноги оказывались снаружи, грудь и живот тоже, а одеяло удавом скручивалось вокруг шеи и рук. В общем – полный компотище.

Подцепив одеяло за углы, Генка растянул его, словно баян, криво-косо сложил пополам. И еще пару раз – до размеров портфеля. Матрас скатал рулоном, упрятал под шкаф, подпер допотопной швейной машинкой. Подушку сунул поверх сложенного одеяла, довольно оглядел комнату и тут же услышал подозрительное журчание. Охнув, ринулся на кухню и, конечно, опоздал. Трехлитровая банка давно наполнилась, и перелившаяся через край вода весело растекалась по полу.

– Чтоб тебе коленом под одно место!..

Продолжая чертыхаться, Генка отключил кран и взялся за тряпку. Впрочем, удивляться не приходилось. Версия неудачного дня продолжала находить свое подтверждение.

Из всех Генкиных должников Вовчик значился в самых злостных. По этой самой причине вычислить студента второкурсника и второгодника было сложнее прочих. На звонки он не отвечал, встреч избегал, частенько ночевал в общежитии, подолгу задерживался в родном университете, где подрабатывал лаборантом на полставки. При этом деньги Вовчик занимал всегда с превеликой охотой – и не только у Генки, а посему отлавливать его следовало с умом и терпением.

Начал же Генка с того, что с универовского сайта скачал список нужного факультета и уточнил расписание второкурсника Вовки. Еще пара звонков убедила юного сыщика, что неплательщик, скорее всего, отсиживается дома. Да и где еще находится человеку, задвинутому на бродилках? Тем более, и новинка западного «Старбола» вышла. А посему Генка вывел на экран последнюю, скаченную через телефонный модем тар-версию Вовкиного квартала и, скоренько разработав нехитрый план изъятия долга, выскочил из дома.

Жил Вовчик в Пионерском поселке – среди бесформенного новостроя и спутанных морскими узлами улиц. «Много стекла и мало неба» – так говорили жители про новейшую архитектуру города Екатеринбурга. Генка по небу не страдал, однако вавилонские сооружения, грибами вырастающие там и тут, особого восторга у него не вызывали. Где-то он вычитал, что в достопамятном 1917 году в Свердловске проживало чуть больше сотни тысяч людей. Сказка, если вдуматься! Ни тебе бойцовых собак, рыскающим по тротуарам, ни машинных пробок, ни районной администрации с милицией! Правда, и интернета тогда не было... Зато уже в восьмидесятые – столицу Урала разбабахало аж на полтора миллиона! Кое-кого, понятно, лишние шесть нулей приводили в восторг, но нули – они и по жизни останутся нулями, а вот загазованность, тотальная толчея и вконец убитая зелень должны были заставить власть имущих задуматься. Хотя бы над тем – где играть малышам, куда выгуливать собак и какой процент свинца с медью будет вдыхать житель следующего десятилетия...

Впрочем, ни о чем таком Генка сейчас не размышлял. Зайдя в здание, расположенное напротив Вовкиного дома, он на лифте поднялся до шестого этажа. Окно на площадке оказалось намертво заклеенным, а вот на седьмом пареньку улыбнулась удача. Стекла здесь не было вовсе, и, вооружившись компактным китайским биноклем-десятикратником, Генка удобно устроился на подоконнике. Отыскать нужное окно не составило труда. Половина комнаты Вовчика скрывалась за шторой, зато другая половина просматривалась распрекрасно. Но важнее всего было то, что в поле зрения попадал краешек стола и голая покачивающаяся нога. Кому она принадлежала, догадаться было несложно, – как и предполагал Гена, клиент его сидел за компьютером и резался в очередную «бродилку». Нога студента азартно подрагивала, иногда даже пришлепывала по полу желтой пяткой.

Генка спрятал бинокль в сумку и поспешил вниз. Перебежав улицу, приблизился к Вовкиному подъезду. Вызывать Вовчика по домофону он, конечно, не собирался, – наперед знал, что приятель затаится. Вместо этого наугад набрал случайный номер и на вопрос хозяев буднично отозвался:

– Почта! Откройте, пожалуйста...

Замок покорно пискнул, металлическая дверь легко отошла в сторону. Не дожидаясь лифта, Генка взлетел на нужный этаж. Влажно дохнув в глазок, заставил его затуманиться и только после этого нажал пуговку звонка. Прием был незамысловатый, но Вовик попался! – открыл внутреннюю дверь и тем окончательно себя выдал. В глазок он тоже толком ничего не разглядел, но Генке такая конспирация была уже не нужна. Приблизив губы к дверной щели, он поторопил студента:

– Давай, давай, Вовик! Знаю, что ты дома, в окно видел.

Дверь отворилась ровно на длину цепочки.

– Ты?

– Кенты! – передразнил Генка. – Думал, всю жизнь сможешь прятаться?

– Кто прячется-то? Никто не прячется, заходи...

Цепочка звякнула, Генка проник в квартиру.

– Ну что, партизан? Как житуха?

– Да ничего...

– Ничего – это пустота и вакуум. Короче, объяснять ничего не буду, – сам знаешь, зачем пришел.

Долговязый Вовик съехал на треть, потом утробно выдохнул.

– Так это... Сессия была, стипы пока нет, а сейчас отработка, то-се...

– «То-се» кончилось, Вовик. И про отработку твою мне все известно. Я парень добрый – могу и подождать, но ты ведь меры не знаешь.

– Так я же как раз собирался звонить...

– Надо не звонить, а отдавать. Улавливаешь разницу? – Генка по-хозяйски окольцевал комнату. – Ты когда у меня в последний раз занимал?

– Ну... Не помню точно.

– Зато я помню. Три месяца уже пролетело. А разговор шел о неделе. Плюс прежний должок, не забыл еще?

– Да помню я...

– Вот-вот, за троллинг нормальные парни банят. И в болотах топят. Ответственность – слышал такое слово?

– Причем тут это?

– А притом, – Генка поморщился. – Мне что, опять Шушей вам всем грозить?

– Причем тут Шуша-то! – всполошился Вовик. – Чуть что, сразу Шуша...

– Вот и меня достало. Без Шуши никто по собственной воле не шевелится. Куда мир катится, Вован, если все на кулаках да на бабле держится.

Генка, не спрашивая разрешения, устроился в кресле, вольно вытянул тощие ноги.

– Ну, вот как с вами иначе, разъясни мне? По-доброму не понимаете, любую мелочь напоминать сорок раз приходится, вот и выныривают на сцену кинг-конги.

– Да я и сам бы мог.

– Вот именно, что сам! Тем более что парень ты не бедный; по слухам даже машину задумал покупать.

– Швейную, что ли?

– А хоть бы и швейную, – Генка изобразил зевок, картинно помаячил перед губами ладонью. – Короче, Вовик, бабки на стол, и разбегаемся по-мирному.

– А может, нам это...

– Еще подождать? Дудки, Вован! И не потому, что я такой плохой. Меня тоже, понимаешь, приперло. Непредвиденный форс-мажор.

– Правда, что ли?

– Кривда. Я если и вру, то красиво. А тут все скучно и просто. Временно уезжаю, вот и собираю тут и там наличность. А чтоб ты не грустил и не дулся, «Кассандру» тебе принес. Между прочим, полное новье!

– Еще скажи – лицензионную.

– Раскатал губу! «Варез», понятно. Без ворованных программ, Вовик, мы будем жить, когда пенсии с министерскими зарплатами сравниваются.

– Значит, никогда.

– Да ты не бери в голову. Нам с тобой до пенсии по любому не дожить.

– Это еще почему?

– А плохо питаемся. Ты – одним пивом, я – бутербродами. Так за компьютерами и попрем от какого-нибудь геморроя.

– Ну, ты скажешь...

– Это не я, это мне участковый один прогноз выдал. Хотя... Может, ты как раз до пенсии и дотянешь. Если научишься долги отдавать. А сейчас тебе важно знать, что программа работает, я самолично там все отрехтовал. – Генка изобразил улыбку. – Короче, диск – без ловушек и прочих фокусов. Так что бери и пользуйся в свое удовольствие.

– И сколько такая радость стоит?

– Мне досталась бесплатно, тебе также подарю за красивые глазки, если проявишь сознательность. – Генка похлопал себя по нагрудному карману, где лежал телефон. – Или все-таки позвонить Шуше?

– Не надо... – Вовик со вздохом поднялся. Бросив на Генку вороватый взгляд, нырнул в соседнюю комнату. Уже через пяток минут он вернулся с пачкой банкнот. Наверняка трижды пересчитал и даже успел перетянуть банковской резинкой. Гена довольно ухмыльнулся.

– Ну вот! А говорил, стипендии не дали.

– Это не стипа, это резерв. Стратегический.

– Вон как!

– Ага, оставлял на всякий пожарный.

– И пожарную машину в придачу... – Генка ловко поймал брошенную пачку, бегло пролистнул купюры. – Признайся, тут и от моих программ навар есть? Хорошо хоть заработал на них?

– Кто тебе наплел! – Вовик по-детски покраснел. – Ничего я на них не заработал.

– Да ты не тушуйся. Я же понимаю: стипендия маленькая – и той не дают, а машину пожарную позарез как хочется, вот и приторговывал втихую. Направо и налево.

– Я только своим...

– Знаю я твоих «своих»! Ты ведь, Вован, на четыре года меня старше, должен понимать, что такое дэмпинг. А ты рынок мне ломаешь, цены сбрасываешь.

– Почему сбрасываю?

– Да потому, что друзья твои тоже о пожарных машинах мечтают – с видами и блютузами. И, само собой, скоренько дублируют твои подарочки и перебрасывают прочим приятелям. Не даром, конечно, но все-таки по бросовым ценам. В итоге игрушки разлетаются, как ангина с гриппом, и получаем девальвацию продукта. Слышал такое слово?

Вовик опустил голову. Великовозрастный нашкодивший школяр – да и только! Теперь уже и уши у приятеля налились малиновым цветом. Генка довольно хмыкнул.

– Ладно, прощаю... Давай лучше делом займемся. Вот увидишь, не так уж плоха «Кассандра», как ее малюют. Куда лучше седьмого и восьмого Винда. И «Линукс», кстати, отды-

хает. Сейчас перегрузим, сменим настройки, и будешь у нас круче NT с XP вместе взятых! Любишь апгрейд?

– Кто ж его не любит... – Вовик поднял голову. – А что за форс-мажор? Бежишь от кого-то?

– Еще чего! Это от меня бегают, – Генка пожал плечами. – Просто решил попутешествовать. Нужны наличные, вот и собираю оброк с кого можно.

– А говорят, у тебя счета в оффшоре. И собственная фабрика...

– Ага, фабрика звезд.

– Я серьезно!

– И я серьезно, – Генка растянул рот до ушей. – А еще кроме фабрики – три дачи, шесть лакеев и собственный мажордом. Ты больше слушай, Вован, и меньше верь. Была бы у меня фабрика, стал бы я мелочь с тебя трясти?

– Ну, не такая уж мелочь...

– Все равно. У меня, Вовик, по математике вечный тройбан, и ни в какие шахматы я тоже не играю. А ты про фабрику какую-то толкуешь!

– Ну да... А кто тогда шахматный турнир зимой устраивал?

– Ну и что? Устраивать – одно, играть – совсем другое.

– И волжане, я слышал, тебя в команду звали, – осмелел Вовик. – Они любого прохожего не позовут, им мозги нужны... Почему, кстати, не согласился? У них же заказы, работы навалом.

– Может, и навалом, только я, Вовик, пташка вольная. Зачем мне команда? Меня и московские хакеры к себе звали – серваки вскрывать, фирмачей на валидол подсаживать. Тоже не срулил.

– Ну и зря.

– Ты, Вовик, стайный зверь, тебе этого не понять, – Генка достал из сумки программный диск, пересел за стол хозяина. – Ладно, загружу тебе «Кассандру», у меня тут замочек от чужих. Пока не скажешь «сим-сим», не установишь.

– А мое не сотрешь?

– Не бойсь. Все твое аккуратно отзеркалим. И стол твой привычный сохраним. Надо будет, откат сделаешь. Только это вряд ли.

– Думаешь, понравится?

– Уверен! Кстати, и по сети малость нужно прогуляться. Есть тут у меня парочка неотложных... Если, конечно, ты не против?

Вовик неопределенно качнул головой. Возражать худосочному Генке он давно уже не решался.

Со Стасом Генка встретился на дворовой лавочке. Лавочка была старая и массивная, многочисленные зарубки на ее теле делали скамью похожей на чешуйчатую рептилию. Двор по инициативе суетливых администраторов перекрашивали и перекраивали чуть ли не ежегодно. При этом всякий раз меняли ржавеющие лестницы, обновляли турники и горки, а вот лавку отчего-то не трогали. Может, поэтому на ней и было особенно приятно сидеть, вновь и вновь перечитывая выскобленные гвоздями и ножиками письма, ощущая ладонями иероглифическую древесную шероховатость.

Таким же шероховатым казалось лицо Стаса, – этакая маска из плохонького упаковочного картона. Плюс красные, как у кролика-альбиноса, глаза. Словом, оголодавший вампир, только-только сошедший с экрана. Генку, впрочем, подобные вещи давно не пугали, – среди игроманов со стажем встречались типчики и пострашнее. Но и любоваться Стасиком особого желания не было. Генка смотрел на песок – кирпично-мокрый, не выветрившийся, смотрел на детей, что возились в нем с деловитостью кулинаров. Самосвал, на котором песок привезли,

промахнулся дважды. Во-первых, опрокинул кузов мимо песочницы – так что половина оказалась за пределами деревянного периметра, а во-вторых, вывалил порцию больше положенного. Но именно это обстоятельство взбудоражило всех окрестных малышей. Песчаная насыпь напоминала древний курган, и рыть в нем пещеры, лепить куличи с пирогами, отстраивать на склонах башни и крохотные крепости оказалось во стократ интереснее. И точно так же – во стократ интереснее Генке было следить за играющими детьми, нежели слушать Стаса.

– Вот первая версия была круче, – бормотал Стас. – Графика, конечно, куцая, зато разведка работала, и караваны я сам гонял туда-сюда. А что сейчас? Картинок наворотили, пикселей добавили, а смысл потерялся. Радары ничего не ловят, самолеты сами по себе не летают. А уж когда пехотинец слона заваливает – совсем винегрет получается! Прикинь: системы ПВО у них даже самолеты-невидимки сбивают, а у меня – ничего...

– Что ты хочешь? Игру раскрутили, теперь бабки гребут и в ус не дуют. – Генка равнодушно огладил ладонью скамью. – А на твои проблемы им чихать.

– Ничего себе чихать! Это же компот чистой воды!

– Компот чистой воды... Ты сам-то понял, что сказал?

– Да ты сам прикинь: беру я, к примеру, какой-нибудь городишко – этакий даунтаун с наперсток, а нас всех мочат. Ну, полная фигня! Там защитников, может, два-три копыеносца, а у меня армия! И все равно победы не получается.

– И что?

– Как что! У меня же тау-инфантри, бомберы, танки! А их лучники простые сбивают! Прикинь, – стрелами да копьями! Реальная чушь!

– Ага... – Генка с трудом подавил зевок и снова отвлекся на детские крики.

– Меня акула укусила! Прямо за волосы! – это кричал перепачканный в песке малыш. Пухлым пальцем он указывал в одну из открытых совочком пещер. – Выплыла оттуда – и бац зубищами! А я, такой, – раз! – он подпрыгнул на месте. – И отскочил...

– И меня! Меня тоже укусила! – ревниво подхватила соседка с хвостом на затылке.

– Это, наверное, песочная акула! Она же желтого цвета! – в голосе малыша слышался испуганный восторг.

– Точно, она – песочная! И зубы у нее желтые. Вот такие! Потому что не чистит...

Генка невольно улыбнулся.

– И ничего смешного, – обиделся Стас. – Знаешь, сколько я с ними возился: самолеты строил, промышленность поднимал! А эти уроды смяли осаду – и сами напали.

– Обидно, конечно...

– Не то слово! А еще там опция такая есть: золотишко можно выкачивать у правителей.

Продаешь им одни и те же карты, а они каждый раз тебе по новой платят.

– Ага, помню, программная недоработка. Ты-то чего хочешь?

– Так это... Хочу, чтобы не по одной единице за ход скачивать, а сразу все золото оптом.

– Не слишком жирно?

– Так они же сами на каждом шагу мухлюют! Вот и надо наказывать!

– Мда... Мститель ты наш народный.

– При чем тут мститель?

– Да ни при чем. Просто достойный брат Шуши... – Генка все-таки не удержался, зевнул. – Слушай, ты того блоггера помнишь, что натякал камер вокруг дома и снимал ураган во Флориде?

– Ну?

– Знаешь, сколько на сайт к нему любопытствующих пожаловало?

– Много, наверное.

– Вот именно, что много. А парень рисковал. Торнадо там домишки сдувал да выкорчевывал, а он за стул держался и снимал. Все в реальном времени людям показывал.

- И чего?
- Ничего. Просто любят у нас ужасы смаковать... Я вот тут подумал, что можно показывать и куда более интересные вещи.
- Какие, например?
- Да ту же песочницу, например, – Генка кивнул в сторону детей. – Смотрели бы, как они там копаются, слова смешные выговаривают, спорят.
- И что?
- Ничего. Может, полезнее было бы, чем ужасники с этой твоей цивилизухой.
- Не-е, это ты зря... «Цивилизация» – игра засадная. Если бы только не канила на каждом шагу.
- Может, просто диск купить непаленый?
- А есть разница? Ты же сам говорил, что в стратегиях лицензии не пляшут. А подрехтовать маленько, и было бы круто.
- Круче «КРАЗа» все равно не станешь.
- Мне круче и не надо. Ты только программу подлатай. Чтоб ее обманывать было можно. Генка поморщился.
- Мда... И как вам не надоест. Игра-то вконец выродилась. Кто там у них создатель-то главный – Сид Майер, кажется? Так вот его разработчики на этой «Цивилизации», похоже, все бока отдавили. Каждая новая версия на порядок тупее предыдущей. Только первая и была чуток креативной, а потом... Потом пошла мясня-колбасня с анимацией.
- Да оно ж так со всеми играми!
- Сам знаю. Потому и не лезу больше в это болото.
- А вот взял бы и залез! Сделал одну нормальную игру – и миллионы бы наварил!
- Мечтатель ты наш уральский! Да кому там нужны нормальные программисты? – Генка фыркнул. – Ты хоть знаешь, что после изобретения первых зеркалок, все эти игруны за голову схватились? Игры-то легкие были! Даже самые грузные весили не больше десятка мегабайтов. А на новый диск – семьсот входило!
- Ну?
- Вот тебе и ну! Короче, дали заказ, чтоб отныне ничего простого и компактного не сочинять. Прикидываешь, какое кидалово? Чем, значит, глупее да размазаннее, тем лучше. Ну, и пошла волна. Количеством вконец утопили качество... – он поморщился. – Теперь вон дивидишки кругом, а скоро и новые компакты пойдут, и что? Это ведь такой процесс – фиг, остановишь. Под сложные игры – новые материнки, а под новые процессоры опять будут кашку анимационную сочинять... – Генка махнул рукой. – Ладно, это тема скучная. Что там насчет Окулиста? Разузнал?
- Само собой! Как договаривались, – Стасик оживился. – Сегодня он в боулинг-клубе развлекается. Клуб «Арго», знаешь?
- Это вместо прежних бараков отгрохали? Еще на вафельное мороженое смахивает?
- Он самый. Башня такая офигенная, и надпись не по-нашему. На Мечникова.
- Знаю, бывал там разок.
- Ну вот, братан сказал, у них пара дорожек забита.
- Маленькие, что ли? В кегли-то играть?
- Почему маленькие. Они этот... Остеохондроз лечат. А Окулист еще и с тромбофлебитом борется, – Стас хохотнул. – Борец, блин!
- Ты-то откуда знаешь?
- Так брательник его в больницу и возит! Та еще, говорит, маята. То пивок нацепляют, то капельницу поставят. Вот и надумал кататься в боулинг. Чтобы, значит, не за столом сидеть, пиво трескаться, а ходить туда-сюда, сосуды разминать.
- Тогда уж лучше в бильярд бы разминался.

– В бильярд уметь надо! А тут чего уметь? Гоняй себе шароиды, да очки считай.

– Понятно...

– Только ты про меня молчок! Как будто случайно встретились, лады?

– Договорились, – Генка достал из сумки металлизированный пакет, протянул Стасу. –

А это мое обещанное: оперативка на два гига.

– Круто!

– Круто будет, когда поставишь. У тебя ведь двухканалка? Вот и вклеишь на каждый слот по гигу. Фирма не самая мощная, но и не гнилая – «Кингстон», быстродействие тоже приемлемое. Пока меня нет, пользуйся.

– Спасибо! – Стас осторожно заглянул в пакетик, расцвел счастливой улыбкой. – Ох, задам сегодня перцу!

– Кому задашь-то?

– Да всем сразу!

Генка взглянул на усохшее личико одноклассника, невольно припомнил слова участкового.

– Главное – не умри, – посоветовал он. – Прямо у экрана.

– Еще чего! До смерти высоко, до школы далеко, – Стас бедово потрянул головой. – Успеем еще наиграться.

– Вот именно, что успеешь... – Гена задумался. – Знаешь, есть такая штука – медиакана.

С шипами вовнутрь, надевается на храп лошади. Чтобы она головой не крутила, окружающим не интересовалась...

– Ну?

– Вот у них этих пакостных медиакан нету, – Генка кивнул на детей в песочнице. – А у нас с тобой, похоже, есть.

– Что-то я не понял... Ты это к чему?

– Да ни к чему. Просто гадаю, кто же и когда нам их напялил...

Шар гулко прокатился по дорожке, ударил практически в центр, половина кеглей брызнула в стороны, зато вторая умудрилась устоять.

– Черт! – дородный мужчина с рыхлыми веснушчатými руками и смешным прозвищем Окулист кивнул Генке. – Давай, головастик. Твоя очередь.

– А может, это... Мне номер поменять? Больно тяжелые.

– Что? Пальчики успел смозолить?

– Есть маленько.

– Чего тогда за пятнашку хватался?

– Силы не рассчитал.

– Силы... – Окулист усмехнулся. – У тебя, братец, пока не силы, а сухожилия. Сразу надо было с десятки начинать, а не хорохориться тут. – Главный юрист фирмы «Василиск» грузно опустился в кресло, по-американски скрестил ноги. Проворный телохранитель тут же поднес ему на подносе бокал с пивом, отдельно для Генки поставил молочный коктейль.

– Соси, головастик!

– Спасибо, бычок. Свободен!

– Я гляжу, ты говорливый! – бодигард выпучил глаза.

– Какой уж есть. Давай, двигай, не мешай нам играть... – Генка с кряхтением вытащил из стойки розовый шар с номером десять, воткнул кисть в пальцевые пазы. Снаряд и впрямь оказался значительно легче, хотя переиграть Окулиста он все равно не надеялся. В боулинг Генка играл второй раз в жизни. Простенькие десятираундовые правила успел прочитать, но вот общего смысла так и не понял. Взрослые дяди убивали время, катая по полу пластиковые кругляши, – да еще получали от этого удовольствие. Смех! Разве что, в самом деле,

боролись с каким-нибудь остеохондрозом. Во всяком случае, после девяти подходов тяжесть шаров, действительно, начинала ощущаться.

Чуть в стороне, в компании таких же качков-бодигардов, красовался Шуша – крепкий и хищный, как молодой гепард, в кожаных джинсах и лихой безрукавке. Этот в отличие от Окулиста глядел на Генку снисходительно. И странно было, что у доходяги Стаса родился такой могучий брательник. Хотя... Генка в своей жизни видывал сочетания и более нелепые.

Раскачав в руке розовый снаряд, подросток метнул его на дорожку. Шар ударился об пол и сразу пошел в бок. От падения в канавку его спасла только автоматика. Поднявшиеся бортики позволили «десятке» прокатиться непредсказуемым зигзагом, и чудо-чудное свершилось. Шар ударил вяло и не по центру, однако кривая траектория дала неожиданный результат. Одна за другой кегли стали валиться, и уже через пару секунд зубастая пасть кегельного провала смотрела на Генку черной шербиной.

– Мда... – протянул Окулист. – Страйк, как ни забавно.

– Это все бортики, – Генка взял со стола коктейль, жадно отхлебнул. – Если бы не они, точно проиграл бы.

– А что бортики? Бортики я сам тебе поставил, фору дал – вот и пожиная теперь... – задрав голову, Окулист взглянул на электронное табло. – Итого – двенадцать очков перевеса, поздравляю.

– Значит, согласны мне помочь?

– С чего бы это? Насчет помощи у нас уговору не было, уволь.

Генкино лицо вытянулось.

– То есть как?

– А вот так.

– Что, испугались «Магнолии»?

Окулист глянул на Генку с прищуром.

– Да нет. Просто не хочу быть посмешищем.

– Но я же вам помог.

– И я бы помог, если б смог, – Окулист скупно улыбнулся немудрящему каламбуру. – Помощь от тебя была, никто не отказывается, но тебе ведь тогда хорошо заплатили. Или полагаешь, тебя обсчитали?

– Нет, но...

– Если нет, вопрос исчерпан. Ты ведь не октябренок, должен понимать, что с нашим участием все только усугубится.

– Это почему?

– Если не догнал, объясню, – Окулист продолжал холодно улыбаться. – Ты, парень, влез в чужой огород, тиснул информацию, которой не должен был видеть.

– Да гроша ломаного эта информация не стоила!

– Это с твоей колокольни, а я сейчас о другом... Одно дело, когда в сервер проникает несмышленный баловник, и совсем другое, когда за ним всплывает фирма вроде нашей. И вся история разом начинает просматриваться под иным углом... Ну? Тебе все еще не понятно?

– Шпионаж?

– Вот именно. Шпионаж, конкуренты и прочие страшилки. Ты пошалил, и это всего лишь глупость, понимаешь? А если ты пошалил по нашей инициативе, это уже серьезно. Такое среди деловых людей не прощают. Получается, что твой грех автоматически перекладывается на нас, и это верная война.

– Да какая там война...

– В нашем мире, – перебил Генку Окулист, – люди брались за оружие и по причинам более скромным. В данном же случае воевать не из-за чего и не за кого.

Генка стоял, как оплеванный. Все было ясно и понятно, но отчего-то вдруг зашипало в носу и засадило в горле. Не каждый день ему указывали на его истинное место под солнцем. «Не из-за чего и не за кого»... Окулист был предельно лаконичен, и задним числом Генка ругнул себя за наивные мысли. Мог бы и сам сообразить, что вмешательство третьей стороны только усложнит дело. Тогда за него, действительно, возьмутся всерьез. И уж конечно, не ограничатся конфискацией «железа». Что касается Окулиста, то ни ему, ни его хозяевам подобные заморочки, конечно, не нужны. А раздавят Генку, – не сильно и опечалятся. Хлопнут по рюмашке за упокой и отправятся в ближайший кегльбан.

– Значит, аут? – сипло прокомментировал Генка.

– Аут там или нет, но извини, – Окулист пожал рыхлыми плечами, – могу помочь деньгами, советом, но не более того. А лучше всего купи билет куда-нибудь подальше и отдохни от трудов праведных...

Он продолжал говорить что-то еще, но Генка уже не слушал. Он снова получил коленом под зад, и даже красавчик Шуша уже не смотрел в его сторону. Волчьим нюхом своим, верно, учуял провал. А настоящие волки – они, как известно, с лузерами не водятся. И уж, конечно, не вспоминают те дни, когда приходилось заезжать за Генкой на серебристом «Лексусе». А ведь было и такое! И Генка тогда чувствовал себя настоящим триумфатором. Считай, в одиночку отыскал мошенников, что пиявками присосались к службам сотовой связи! За то и катали на иномарках! И даже беседы удостоили с первым лицом фирмы! Словом, вознесся он тогда выше нью-йоркских небоскребов. Четырнадцатилетний салажонок! Вот и рухнул теперь, как те же небоскребы. Прямо на острые камушки...

Генка с трудом сглотнул. Неуютный ком в горле скользнул вниз, камнем осел в желудке. Торчать в «Арго» больше не имело смысла. Отставив недопитый коктейль, он шагнул от стола, небрежно сунул руки в карманы. Окулист замолчал. Ни удерживать, ни утешать парнишку он не собирался, а Генка не стал даже прощаться. Сжигать за собой мосты ему до сих пор приходилось только в интернете. Теперь это происходило в реалиях.

Часть 2 КУДЫКИНА ДЫРА

*«Уезжаю – словно умираю.
Телефонный номер набираю
И с того невидимого краю
слышу: все в порядке без меня»...
Андрей Расторгуев*

В уже тронувшемся вагоне Генка прижался лицом к стеклу, хмуро всмотрелся в проплывающую мимо вереницу разномастных крыш. Центр города тонул в пасмурной низине, – родина провожала несостоявшегося героя с обычным равнодушием. И то сказать – мегалополис. Словечко – самое то! Скучные холестериновые дома, зажатые зданиями улицы-сосуды и суетный ток машин-тромбоцитов. Задуматься, так город давно болен тромбофлебитом – тем самым, о котором рассказывал Стас. Всюду пробки и смог, а где их нет, там упыри вроде того же Окулиста, Шуши или живчика, что заглядывал с участковым пугать Генку.

Поезд побежал веселее, проводница загремела подстаканниками.

– Чаек, чаек! – обрадовалась незнакомая девочка в конце вагона. И даже запрыгала по узенькому проходу на одной ножке. Глядя на нее, Генка ощутил укол зависти. Вот кому по-настоящему хорошо! И никаких вам жизненных ребусов. Принесли чай с красиво упакованным рафинадом – и уже повод для веселья.

Вспомнился другой чай – вчерашний, с родителями. После вечерней смены отец выглядел уставшим и как обычно – совершенно безучастным. Он и кружку с чаем порой не доносил до рта – то ли забывал отпить, то ли не хватало сил. И обвинительную речь матери отец выслушал с тем же унылым покорством. Во всяком случае, на роль адвоката он совершенно не тянул.

Сколько себя помнил Генка, он всегда жалел отца. За его вечную усталость, за скорбные морщины на лбу и в углах рта. А вчера парнишка вдруг понял, что это не просто вымотанность, это нечто худшее. Правду говорят: кого-то жизнь гнет, а кого-то ломает, кто-то спивается, а кто-то садится в тюрьму. Отец не спился, но все же сломался. И первый надлом, судя по всему, случился давно – может быть, тогда, когда впервые отец осознал, что не в силах подняться выше инструментальщика третьего разряда. А может, тогда, когда узрел первую трещину между собой и матерью.

Генка по сию пору не понимал, каким образом они сошлись – маленький невзрачный рабочий с пэтэушным образованием и яркая статная студентка, мечтавшая о начальнической карьере с непременноми заграникомандировками и летними отпусками на теплое взморье. Скорее всего, подшутила судьба-злодейка. Над тем и другим. И оба оказались в проигрыше, в лузерах, до конца так и не осознавших, что жизнь их изначально помечена клеймом неудачи. Им бы опомниться и разбежаться, да появился Генка. Нежданно и негаданно. И семья не развалилась. Отец проявил безволие, мать – слабинку. Маленький несмышлениш Генка умудрился склеить не склеиваемое, и супруги на долгие годы вынуждены были отказаться от чего-то иного, возможно, более главного и важного в их несостоявшихся жизнях...

– В картишки? – разбитной малый с кривым приплюснутым носом, играя колодой, быстро перемещался по коридору, бесцеремонно заглядывал в купе. Люди одинаково качали головами.

– Напрасно! Очень даже напрасно!..

Генка посторонился, пропуская картежника мимо. Потоптавшись немного, вернулся в купе на свое место...

Больше всего он рассердил вчера, конечно, мать. Как ни крути, а вчерашняя студентка выбилась все же в небольшие, но начальники, а начальники редко бывают терпимыми. Волну-

ясь, мать повышала голос, то и дело срывалась на крик, лицо ее покрывалось некрасивыми пунцовыми пятнами, руки начинали трястись. Отец же продолжал смотреть в пол, и жилистые его ладони грели остывающий чай, бессмысленно оглаживали бока кружки.

– Все, попил нашей кровушки, хватит! Пойдешь на работу, как миленький...

– Брось, Тань, – тихо просил отец. – Какая там работа...

– Нормальная! Устрою курьером, и забудет всю эту дурь.

– Ты про компьютеры? – поинтересовался Генка.

– Про что же еще?

– Ну, я не знаю... Дурью обычно называют другие вещи. Колеса, например, марихуану, снежок.

– Похохми мне еще, похохми! Остряк-самоучка. Ничего, поработаешь до сентября, живо поймешь, почему он – настоящий хлебушек!

– Это за три-то тысячи?

– Другие и трех не получают. А ты... Больно легко живешь! Сидишь тут на всем готовом – еще и свинячишь. Правильно, что интернет тебе отключили.

– Меня еще и посадить грозились, – хмыкнул Генка.

– И правильно сделают!

– Зачем же тогда устраиваться в курьеры? В тюрьме курьеры без надобности.

– Обормот! – мать заплакала, а кадык на отцовской шее судорожно задергался. Кружка с чаем в очередной раз замерла, не добравшись до рта.

– В деревню ему, Тань, надо, – сипло сказал отец. – В какую-нибудь глушь. Может, даже к моим отправить.

– К твоим? Но это ж такая дыра!

– Вот и хорошо. Чем дальше, тем лучше.

– Может, тогда на Кипр? – немедленно отреагировал Генка. – Тоже не близко. Паспорт у меня есть, виза там не нужна, отсижусь, пока то да се. Как Горький, типа...

Отец посмотрел на него странно, а мать взъярилась еще больше.

– Куда скажу, туда и поедешь! Хоть на кудыкину гору!..

Поток слов возобновился, и Генка покорно скрестил на груди руки. На кудыкину гору – так на кудыкину гору, в дыру – так в дыру. Ему как-то враз стало все равно. Пусть отправляют, куда хотят. И плевать на всех оптом! На Кипр, на Окулиста с Шушей, на участкового и трусаватых родителей! Как-нибудь проживет и без них. Как, кстати, и жил до сих пор...

Подойдя к наклеенному на дверь расписанию, Генка принялся искать свою станцию. Пальцем пробежал Туринск, еще с десятков станций, не найдя, заскользил обратно. Ну да, вот оно – Заволочье. Та самая кудыкина гора, на которую его сплавил. И не гора даже, а нора. Точнее – дыра, как безжалостно определила мать. И не станция, а полустанок... Имечко, кстати, вполне подходящее – Заволочье. То есть, место, куда волокут за волосы и подгоняют пинками. Хочешь, не хочешь, а отправляйся. Тем более что Генке от Заволочья нужно будет еще пилить и пилить. Отец не зря помянул про глушь. Ох, не зря! Имеется ли в искомой дыре интернет, даже спрашивать было глупо. Остается надеяться, что водопровод, газ и электричество там работают исправно.

– А если придут эти... – отец шевельнул сухоньким плечом, – объясним, что ничего не знаем. Ты же сам мог придумать про отъезд, верно?

Генка на такое предположение едва не рассмеялся. Но промолчал.

– Скажем, что парень взрослый, – поддакнула мать, – путешествует, где хочет. Отправился в поход или на рыбалку...

– Лучше скажите, что уехал в Турцию, – не удержался Генка, но, взглянув на дрожащую в материнских пальцах бумажку, осекся. Похоже, всю эту чехарду предки его приняли близко

к сердцу. И действительно, перепугались до колик. Может быть, за себя, а может, и за него. Зря, наверное, дядя Саша звонил им. Не устроили бы этого спектакля с чаепитием...

У одних получаются веселые истории, у других мрачные. Скажем, Пашка, одноклассник Генки здорово травил анекдоты. Даже от самых бородатых и неказистых хохм народ школьный икал, пукал и по полу катался. У Генки так не выходило. Он даже комплексовал по этому поводу. А однажды перестал. Когда понял вдруг, что умеет рассказывать о страшном и загадочном. Его тоже стали слушать, но без смеха, затаив дыхание и раскрыв рты. С появлением интернета Генкина тяга к всевозможным тайнам вроде исчезнувших цивилизаций и затонувших городов только усилилась. Он оказался неплохим поисковиком, умудряясь выискивать в сети то, мимо чего проходили другие. Взять тот же Титаник, – наверное, даже пингвины про него слышали, а кто слышал про затонувшую на Черном море «Армению»? Да практически никто. А ведь утонуло на теплоходе вчетверо больше, чем на «Титанике»! Шесть тысяч душ! И не спасся никто! Жуть, если вдуматься. Кроме того, исчезло ялтинское золото, а перевозили его немалое количество, погиб весь медперсонал тогдашнего осажденного немцами Крыма. Так или иначе, но судно легло на полуторакилометровую глубину, и более ничего о нем не было известно. Кто его бомбил, кто торпедировал, сколько именно золота перевозили на теплоходе, – все по сию пору скрывала морская мгла. В эту самую мглу и нырял дотошный Генка, выцеживая тайны, порциями выпуская их в свет. Но сегодня он сам, точно корабль, получивший пробоину, погружался неведомо куда, уходил все дальше от поверхности и родной пристани...

На очередной станции, в купе подсел старичок – сморщенный, как усохшая груша, седенький и сгорбленный. Пристроив тряпичную сумку, вежливо попросился к окну. Генка про себя выразился не самым приличным образом, но место все-таки уступил. Оказывается, старичок хотел помахать ручкой остающейся на перроне старушке. Та без конца утирала земляное личико платком и старческой щепотью быстро крестила окно. Глядя на нее, захлюпал носом и благостный сосед.

Генка подумал, что еще вчера он бы от души повеселился такой картинке, но сегодня душа не смеялась. Кто знает, может, там за окном оставалась не приятельница старичка, а близкая родственница – сестра, например. И вот разъезжались два божьих одуванчика, может быть, всего-то по соседним деревням, но, вполне возможно, и навсегда. Потому и ревели в три ручья, не стесняясь окружающих.

Генка взгляделся в личико за окном, украдкой посмотрел на плачущего соседа. Старики и впрямь были похожи. А может, он просто не умел их еще отличать?

Очередной попутчик, кряжистый, благоухающий пивом и семечками, с охами-вздохами распихал по полкам многочисленные чемоданы и, нервно поегозив на скамье, потянулся рукой к радио. Динамики заиграли хрипло, но песенку Гена тотчас узнал. Конечно же, «АББА», легендарный квартет из Швеции. Вот и эту песню он когда-то уже слышал, хотя не понимал в то время ни словечка. Английский стал доступным только сейчас.

«I can still recall our last summer,
I still see it all
Walks along the Seine, laughing in the rain
Our last Summer
Memories that remain».

Генка с удивлением прислушивался к мелодии и к себе. Он, в самом деле, все понимал! Ну, не все, конечно, но верную треть. И дело было даже не в школьном английском, – язык он освоил, как многие другие, ныряя в «нет». Кто ползает по сети, без английского не обходится. И слова старой песни неожиданно раскрывались подобием цветка, наполняли ароматом маленькое купе, мало-помалу стягивали горло опаловыми печальными бусинами.

Потому что пелось про лето. Последнее, а значит, и про него.

Никогда раньше подобное не приходило Генке в голову, а сейчас вдруг пришло и приговоздило подобием шпаги – точно и больно. Впервые он ощутил, что тоже стареет! И даже не столько стареет, сколько приближается к тем годам, к тому возрасту, о котором, верно, и горевал седой соседущка. Потому что четырнадцать лет – это уже не детство. И что-то, верно, уходит с этим временем навсегда. То есть в памяти, возможно, и остается, но память – это все лишь память: нейроны, ячейки и гигабайты, силиющиеся сохранить убежавшее. Но человек – не компьютер, и жить ему приходится в реальном времени. А значит... Значит, Генка уезжал не просто из родного города и семьи, – он уезжал из детства. Наверное, про это и пели популярные некогда шведы. То есть поминалось у них и про Париж, и про круассаны, и про Эйфелеву башню, но главной темой было все-таки лето – последнее и единственное.

Продолжая машинально переводить слова песни, Генка попытался вообразить свое будущее и не смог. То есть, конечно, за четырнадцатым летом последует пятнадцатое, а за пятнадцатым – шестнадцатое, но все это обещало произойти не скоро и совсем в иной жизни. Нынешнее лето, уже надкушенное, с неприятной червоточинкой, покачивалось и проплывало в вагонном окне, постепенно занимало свое законное место в череде уходящего.

В той череде, что именовалось детством.

Станцию свою Генка едва не проспал. Так уж вышло, что добрых полночи он пролежал на верхней полке, уставившись в окно. Мимо тянулись города и деревушки, станции, полустанки и какие-то совсем крохотные хуторки. Все это были новые и новые километры, удаляющие его от родного города. Казалось, натягивается невидимая струна, что связывала его с домом, и Генка с ужасом ждал, когда же она порвется. Но она все почему-то не рвалась, и оттого становилось только больнее.

Колеса мерно постукивали на стыках, и, вторя им, постукивали Генкины зубы. Лежать все время на животе оказалось не слишком удобно, но иначе пришлось бы отвернуться от окна, а отворачиваться не хотелось. Глядя на приземистые здания вокзалов, на людей, бредущих по незнакомым улицам и перронам, на светофоры и коробки путевых трансформаторов, парнишка тщетно пытался представить себя вне привычных стен, без сети и компьютера, один на один с незнакомым миром. Ведь мог же он родиться не в Екатеринбурге, а в каком-нибудь Янауле или Шамановке! При одной этой мысли Генка обмирал, и в груди само собой поднималось волнение, что навещало только в минуты, когда он всматривался в кадры, присылаемые дигтерами, дайверами и сталкерами. Смешно, но в свои четырнадцать Генка впервые выезжал за пределы родного города! Чем-то это напоминало агорафобию – боязнь открытых пространств, которой страдал в детстве Стасик. Генка открытого неба не боялся, однако и нужды в путешествиях не испытывал. Та же сеть открывала доступ в любой уголок планеты, и на машины с самолетами подросток поглядывал с откровенным недоумением. Может, по этой причине и дергался кадык на шее отца, а мать безостановочно промокала платком глаза. Им эта ссылка тоже далась непросто. Потому что бросали сыночка – словно щенка с лодки. Зато и яиц наварили целую миску, намыли огурцов с помидорами, деньги заставили взять...

Вспомнив о деньгах, Генка кисло улыбнулся. Деньги – куцую стопку десятирублевков, он, конечно, взял, хотя так и подмывало сунуть их куда-нибудь на полку или даже в холодильник. Чтoб нашли, но не сразу. Был бы поглупее – обязательно так бы и сделал, но вовремя сообразил, что ничего хорошего из этого не выйдет. Найдут, подумают, что забыл, и совсем перепугаются. Ну, а то, что деньги у него есть – и деньги немалые, им знать совсем необязательно.

Странная штука! – вволю понаблюдав, как предки суетятся, собирая его в дорогу, как нервно штопают какие-то тряпки, роняют их на пол, бережно укладывают в рюкзачок, Генка впервые подумал, что не такой уж он чужой для них. Хоть и жили всегда насквозь параллельно, не пересекаясь и не растрачиваясь на любезности, но ведь встревожились – по-настоящему

и искренне! Может, потому и не получилось вчера заснуть. Заснул он только сегодня и наверняка бы проспал свою станцию, если бы не проводница.

По счастью, о нужной станции хозяйка вагона помнила. Бесцеремонно растормошив подростка, она сунула ему в руки корешок билета и чуть ли не силой выпихнула из трогающегося поезда. Еще и крикнула вслед что-то веселое. То ли оболтусом назвала, то ли кем покрепче. Спросонья Генка даже обидеться не успел. Вяло помахал на прощание рукой и тут же чихнул.

Как бы то ни было, но он приехал. То есть – почти приехал, поскольку это было только Заволочье. Или все-таки нет?..

Генка с беспокойством завертел головой. Вот будет смеху, если обнаружится, что его высадили на другой станции!

Но проводница знала свое дело и не сплеховала. Генка не удержался и вслух озвучил надпись на желтой, украшающей фасад здания табличке:

– Заволочье, свердловская железная дорога...

Значит, все-таки то, что надо. Хотя и со своими непонятками. Городу вернули прежнее название Екатеринбург, а область с дорогами оставались свердловскими. Спрашивается, где логика? То ли сэкономили на надписях, то ли боялись запутать людей окончательно.

– Сынок, клубники не купишь? – старушка, одиноко сидящая на перроне, смотрела на него с надеждой. – Отдам за полцены.

Генка помотал было головой, но тут же передумал. Однажды он крепко отравился ягодами. Что-то там с плесенью переел и затемпературил. Живот болел жутко, таблетки приходилось глотать, уколы ставили. С тех пор к ягодам он охладел. Но больно уж кротко глядела на него старушка. Не уговаривала, не наседала, как делают это городские торговки. Отказали – и приняла, как должное. А поездов здесь с гулькин нос, – кто у нее что купит? И скиснет все на фиг – на такой-то жаре.

– Ладно, возьму немного... – Генка приблизился к бабуле. Торговаться не стал, и дрожащими руками она попыталась выбрать ему самое лучшее.

– Кушай, милоч. Кушай, на здоровье. Все свежее, со своего огорода...

Вздвигающееся солнце било прямо в затылок, и тень Генки, точно компасная стрелка, указывала верное направление. Поблагодарив старушку, он поправил на спине рюкзак и шаркающей походкой двинул к вокзалу.

Внутри здания было прохладно и тихо. Правую половину зала опоясывали старенькие складывающиеся сиденья, в стенке красовалось окошечко кассы. В левой половине разместился буфет – с нехитрым ассортиментом на полках, с огромным электрическим самоваром. Но более всего Генку позабавила гигантская печь, темными боками выпирающая разом в оба зала. Кажется, такие именовали голландками. Верно, завез тот же Петр Первый. Мало ему было табака, так еще и печки заставил перекладывать! Сердитое было время, клыкастое, хотя... Курных-то изб тоже хватало! Вся Россия, считай, в таких жила – с полками-сыпухами для сажи, с дырами-дымогонами, совершенно не похожими на привычные трубы. Потому, верно, и не курили, что топили по-черному. А Петр взял и переиначил все.

Генка погладил печь – все равно как циркового слона. Бок был прохладный и шершавый. Печной «слон» спал. Хотя, возможно, в особо лютые зимы печь снова пробуждали от спячки.

Скользнув глазами по висящему возле печи расписанию, Генка без труда отыскал ближайший поезд до Екатеринбурга. Даже азартно полыхнуло в голове – а не купить ли билет обратно? Взять и уехать из этой дыры домой. Все равно ведь никто не узнает!

Генка даже поглядел в сторону кассы, но в эту минуту забренчала ложечками буфетчица, и, совершив незамысловатый выбор, парнишка зашагал к буфету.

Творожники, кулебяки, сдобные булочки и рулеты он легко бы сейчас обменял на какую-нибудь отбивную, но ничего мясного не было. Какой-то выцветший салатик непонятного про-

исхождения, картофельное пюре и ничего больше. Чуть в стороне – полки с журналами и бытовой утварью, наборы бигуди, женский лак и тут же рыболовные снасти...

– А сосиски у вас есть?

– Кончились, – жизнерадостно отозвалась буфетчица – плотная тетечка с крупной завивкой и смуглыми руками. – Зато выпечка всегда свежая. Из местной пекарни. Бери, пока не закрыли.

– А хотят закрыть? – вежливо поинтересовался Генка.

– Уже не хотят, – закрывают. Считай, последний месяц работают.

– А дальше что?

– Дальше привозной будет. Хлебушко-то! – тонким дребезжащим голоском отозвался сидящий за ближайшим столиком старик. Слово «хлебушко» он протянул таким тоном, что сразу стало понятно, как он относится к закрытию пекарни. – Теперь из города повезут. Там у них целый хлебозавод. Так что химией теперь будем питаться.

Гена купил у буфетчицы стакан чаю с творожником, присел к старику за столик. Осмотревшись, разглядел еще одного «боровичка» с бородой. Этот спал на лавочке, чуть приоткрыв рот. Руки скрестил на груди, как какой-нибудь полководец, наружу выпирали старенькие наградные планки.

«Что-то многовато кругом старичья, – мельком подумал Генка. – В вагоне, на перроне, здесь – прямо профилакторий какой-то...»

Между тем, сосед тоже жевал какую-то булочку, а чай пил шумно, с частыми хлюпами.

– Раньше пекарни по всем селам водились, – шамкая, сообщил он. – Из настоящей муки хлебушек выпекали. Ржаной да пшаничный (старик так и сказал – пшаничный). А теперь что? Люди работают на том же мукомольном, – рассказывают, будто сами не знают, что сыплют в муницу. Им привозят в мешках, они и сыплют!

– Наверное, ароматизаторы с консервантами, – подсказал грамотный Генка.

– Во-во! Может, специально и сыплют. Травят всех потихоньку.

– Чего ерунду-то мелешь, Семеныч! – фыркнула из-за прилавка буфетчица. Кудряшки ее смешливо колыхнулись. – Кому вы нужны?

– Именно, что не нужны. А то ведь есть-пить просим, гундим... – Семеныч аккуратно смел со стола крошки, отправил пригоршней в рот. – Ты, Нюська, на зарплату живешь, потому не понимаешь. А нам ведь и пенсии надо носить, и почту с газетами. А тут вона как все просто – насыпал какого-нибудь дуста в муку, и порядок на корабле!

– Вас простым дустом не выведешь, – Нюська навалилась на прилавок, уютно сложила смуглые руки под полной грудью. – Как тараканы живучие! Так что не расстраивайся!

– Да я не расстраиваюсь. Мне ить чего? Мне долго-то не мучиться. Вас жалко, парнишку вон. Смотри, какая худоба! Тоже, наверное, из города.

– Из города, – подтвердил Генка.

– Ну вот... Вы же хлеба там нормального не едите. Раньше – как купил булок десять – для кроликов, коров, для себя, значит, – поставил на тумбочку, и никаких тебе хлопот. Он и через неделю вкусный да мягкий – безо всяких хлебниц. А ваши городские батоны я знаю... Через день сохнут, в рот брать противно. Через неделю ровно кирпичи становятся...

– У меня же ягоды есть! С помидорами! – вспомнил вдруг Генка. Такая уж атмосфера образовалась в зале. Никто никого не стеснялся, все были своими. – И яйца с огурцами. Угощайтесь! – он живо извлек из рюкзака кулек со снедью. – Хлеб, правда, городской, зато остальное – все свежее. Давайте, в самом деле, а то испортится.

– Яички – это хорошо, – не стал отнекиваться дед. Взяв одно, постучал желтым ногтем по скорлупе. – Из таких зефир раньше делали.

– И сейчас делают, – хмыкнула Нюська.

– Делают они, как же! – Семеныч подмигнул Генке все равно, как союзнику. – Пробовал я ваш зефир – сахар голимый! Раньше не докладывали, и вкус был интересный. А сейчас лизнуть страшно. Газировку, кстати, тоже пить не боялись.

– Сейчас боишься, что ли? – подала голос Нюска.

– Газеты читать надо, – Семеныч прикусил сразу половину яйца, зажевал беззубым ртом быстрее. – Там давно уж прописали: сахара нынче нет, – один сахарозаменитель, и в газировке, как в этой твоей пепси-коле – аж четыре ложки на стакан! А раньше две клали. Значит, что? Значит, кариес и привыкание.

Генка взглянул на старика с уважением. Не таким уж старым мухомором тот оказался!

– А еще соя кругом, чай в пакетиках с краской напополам, мед искусственный, – Семеныч управился с первым яйцом и взял помидор. – Это ж ни поесть, ни попить! У тебя вот раньше одеколон стоял, и где он теперь?

– Дезодорант есть.

– Ага, за сто рубликов пузырек! Зачем он такой нужен?

– А ты не пей, ты мажься.

– Если я помажусь, мне еще хуже станет! – Семеныч жизнерадостно засмеялся, и Нюска охотно ему подхихикнула. Глядя на них, Генка тоже заулыбался.

– А где тут у вас автостанция? – спросил он. И не кого-то конкретно, а всех разом. Здесь это, судя по всему, было нормой. – Мне до Соболевки надо.

– До Соболевки? – Семеныч прищурился, отчего лохматые его брови сошлись на переносице, сделав старика похожим на филина.

– До Соболевки седьмой автобус ходит, – опередила старика буфетчица. – Прямо здесь за вокзалом и останавливается.

– Здорово! – обрадовался Генка.

– Только он редко ходит. Через день, что ли?

Похожий на филина Семеныч покачал головой.

– Уже и не через день. Ныне лето, значит, в понедельник и четверг. А седни у нас вторник.

– Пешком тебе, парень надо, – посоветовала Нюска. – Не ждать же автобуса.

– А далеко это? – настроение у Генки на пару делений опустилось.

– Да километров десять будет, – раздумчиво протянул Семеныч и жилистой ладонью отер рот. – А может и все шешнацать.

– Чего шешнацать-то! Не пугай парня. – Нюска фыркнула. – Километров семь-восемь, не больше.

– Это она нам с тобой, а? – Семеныч усмешливо кивнул в сторону буфетчицы. – Небось, ни разу пешком не хаживала, а туда же – советует!

– Зачем мне пешком? Меня кавалеры на мотоциклах возят.

– Во-во! На мотоциклах. А я тут все своими ходулями перемерил. И до Соболевки хаживал, и до Северухи. Там же речка – Турузбаевка, а тут, значит, Кумарья. – Старик ребром ладони прочертил на столе невидимые линии. – Вот туда и гоняли на рыбалку. Сейчас, конечно, не то, а раньше и поудить можно было, и сеть раскинуть. Клевало хоть на хлеб, хоть даже на голый крючок!

– Ага, скажешь, – на голый крючок! – хмыкнула Нюска.

– Это вы, девки, на голый крючок вовек не клонете, а рыба – она, небось, поглупее будет. Так что ловили и за жабры, и за хвост. Вода ж прозрачная была, сами выбирали, кого подсесть...

– Ты, парень, меня послушай, – перехватила инициативу Нюска. – Как выйдешь с вокзала, сразу сворачивай направо. Да тут у нас всего две дороги, не перепутаешь. Сначала вдоль железнодорожного полотна, а после она налево идет.

– А про мостик-то не сказала! – ревниво возмутился Семеныч. Ему тоже хотелось быть наставником и проводником.

– Мостик он сам увидит, разберется... – Нюська высвободила из-под груди руку и тоже зачертила по прилавку. – Там у нас овражек, а через него мост деревянный, – вот после него и начинается главная дорога.

– Шоссе, что ли?

– Какое шоссе, проселочная, конечно...

– Повезет, так попутку поймашь, – пожелал старик. – А нет, сам дойдешь, не рассыпешься.

– Только на голову что-нибудь накинь. Солнце вон какое, а ты непривычный, городской.

– Платок ему, что ли, подвязывать? – фыркнул Семеныч.

– Зачем платок, пусть лопушком прикроется.

– Лопушком... Сама ты лопушок! Ничего с ним не делается. Тут всего-то часа два ходу.

– Тогда прямо сейчас и иди, не жди солнцепека...

Совет был мудрый, и Генка торопливо упаковал свой рюкзак.

– Спасибочки! – поблагодарил он всех разом.

– И тебе не хворать...

Шагать по пыльной дороге оказалось не так уж сложно. Ноги шлепали по утрамбованной и пропеченной солнцем земле, за Генкой стлался пыльный шлейф – все равно как инверсионный след за самолетом. Мостик он миновал, а посеревшие от времени избушки рассматривать не стал; этого добра хватало и на окраинах Екатеринбурга, да и пугали немного позвякивавшие цепями псы. Пусть за забором, а все одно неприятно. Лая, как и грубой мужской ругани, Генка никогда не любил.

Вскоре бревенчатые постройки Заволочья остались позади, он оказался в поле. Раньше здесь, вероятно, засевали зерновые, теперь же дымилось дикое разнотравье. Розовые, белые и желтые цветочки – попросту говоря, растения, большинства которых Генка откровенно не знал. Разве что вездесущую полынь да ромашки с крапивой. Кое-где вперемешку с похожими на крохотные колокольчики бутонами, неухоженный и рогатый, топорщился старый знакомец репей. А где-то совсем уж далеко паслись лошади. Порой до Генки доносилось их приглушенное ржание, и всякий раз он замирал, даже останавливал шаг. Чепуха вроде, а в груди что-то екало, словно не лошадей он видел, а каких-нибудь сказочных драконов.

Солнце начинало припекать всерьез, и, припомнив совет буфетчицы, Генка свернул лист лопуха косынкой и подобием панамы натянул на голову. Оттопав примерно с километр, подумал, что неплохо было бы проехать весь путь на лошадке. Шестнадцать кэмэ – это примерно четыре лье, и в прежние времена на лошадях такую дистанцию одолевали меньше, чем за час. Если же пешком, то впятеро дольше. Хотя могла оказаться права и буфетчица, а тогда дорога вышла бы короче...

Путь Генке нахально перебежал пушистый зверек. Возможно, суслик, а может, и хомяк. Но не крыса, это точно. В последние годы крыс в Екатеринбурге развелось бесчисленно. Иной раз у мусорных контейнеров можно было увидеть целые семейства. И ведь здоровенные вымахивали – чуть ли не с кошку величиной! Кстати, те же кошки к контейнерам и приближаться боялись.

Генка в очередной раз поправил сползающий с головы лопух. Тоска, ослабевшая было в буфете, навалилась с новой силой. Куда и зачем он шел? Каких-таких приключений ожидал? Может, в самом деле, есть невидимая пуповина? Привязывает к месту, где родился, и болит, ноет, пока не вернешься. Может, плюнуть на все и вернуться обратно? Снять скромненькую квартирку, обзавестись «нетом» и затаиться? В розыск его, конечно, не объявят, а при случае да с удобных ай-пи адресов можно и «Магнолию» вновь пощекотать. Чтобы жизнь медом

не казалась, чтобы знали, как связываться с честным хакером. Хотя... Если засекут повторно, тогда уж ничем не оправдаешься. И в школу не пойдешь, и про институт забудешь. Можно, конечно, и пободаться, но, если честно, войны не хотелось.

Остановившись, Генка запрокинул голову. Небо здесь было другим – непривычно синим, напоминающим море. Море он, правда, видел давным-давно – кажется еще в пятилетнем возрасте, но ощущение бездонности с синевой сохранилось. И корабли он хорошо запомнил, их протяжные гудки, шипение набегающих волн, рокот перекачивающейся гальки. Кто-то такие вещи забывает быстро, а вот Генка запоминал навсегда. И блокнотов у него не водилось, – все держал в памяти. В школе, кстати, потому и училось легко – запоминал слышимое и увиденное с первого раза. А иначе нормальному хакеру нельзя. Всегда нужно работать на опережение, пока глючит стража чужих серверов, пока скрипят поисковые программы и греются движки дисководов. И Генка успевал! Нередко опережал процессор, который без допкоманд обязательно тормозил и подставлял хозяина под всевозможные атаки.

Вот и море он запомнил на всю жизнь. Некоторое время даже наивно полагал, что заводские, слышимые с балкона гудки – это тоже голос кораблей. Значит, рассуждал маленький Генка, где-то рядом есть море. И однажды он ушел из дома с ребятней искать это самое море. Пешком и на трамваях (метро тогда еще в городе не пустили) они добрались чуть ли не до Химмаша. Нашли какой-то пруд с лягушками, и там Генку подняли на смех. Словоохотливый рыбак из местных объяснил, что ни кораблей, ни морского порта в Екатеринбурге отродясь не водилось. Хрустальный миф рассеялся, Генка был жутко расстроен. А дома по возвращении ему еще влетело от матери...

Присев на обочину, подросток стянул правую сандалию, заглянул под носок. Так и есть! Вот вам и первая трудовая мозоль! А до Соболевки, между прочим, еще топать и топать. Словом, все как в той седой песне: степь да степь кругом, путь далек лежит... Хотя степь, может, и не совсем степь, но просторы вокруг расстилались приличные. Ажно глаза приходится шурить, и щеточка леса – чуть ли не у самого горизонта.

Оглядевшись, Генка обратил внимание на царственно вздымающиеся тут и там золотистые шляпки. Не то подсолнухи, не то топинамбур. И то, и другое он видел на рекламных картинках. И то, и другое было, кажется, вполне съедобным.

Натянув сандалию обратно на ногу, подросток на глаз прикинул дистанцию до ближайшей желтой шляпки и решительно спустился вниз по насыпи. Трава оказалась неожиданно высокой – чуть ли не по грудь, но Генка не передумал. Разгребая гудящее насекомыми разнотравье, решительно зашагал к цветку. Рубашку и брюки тут же облепили колючие семена, в носу запершило от травяной пылицы. Не теряли времени и местные слепни. Парочка ловкачей пребольно кольнули в спину и шею. Но худшее Генку поджидало впереди: где-то на полпути к заветной цели под ногами блеснуло чешуйчатое тело, и лишь в последнюю секунду Генку задержал готовую опуститься ногу. Настороженно приподняв треугольные головки, в траве сидели (или лежали?) сразу две или три змеюки. Сколько их там в точности, сказать было сложно. Возможно, одной рептилии Генка мог бы и не испугаться, но эта компания заставила его окаменеть. Тем более что и уползать они не спешили. Темно-серые, с раздвоенными, снующими туда-сюда язычками головы приподнялись еще выше. Казалось, антрацитовые глазки внимательно рассматривают незваного гостя.

– Ужик-ужик! – тоненько пропел Генка и по-черепаши попятился. – Вы ведь добрые, правда?

«Ужик», которые ужиками вовсе не выглядели, едва слышно зашипели, и Генка почему-то сразу уверился, что перед ним самые настоящие гадюки. На этом вся его отвага иссякла. Развернувшись на месте, парнишка галопом припустил обратно к дороге. Шершавые стебли наотмашь били по лицу, царапали руки, в сандалиии тотчас набилась земля, но он продолжал мчаться напролом, оставляя за собой подобие просеки.

«Сейчас наступлю на такую же змеюку – и конец!» – мелькало в мыслях, но остановиться он уже не мог. Где-то поблизости послышался утробный рык, и, моментально вспомнив о волках, тиграх и прочих зубастых монстрах, Генка совсем грухнул. Поел, называется, семечек!

Обливаясь потом и спотыкаясь на каждом шагу, он вылетел, наконец, на дорогу и тут же шарахнулся в сторону. Черная громада выросла перед глазами, заставив зажмуриться, по ушам ударил натужный визг тормозов...

– Совсем сдурел! Куда под колеса прешь!

Генка обморочно отер ладонью лицо. Ноги его дрожали, в груди по-совиному ухало сердечко. Конечно, это были никакие не волки, – обычный грузовик. И разобраться по существу – значительно более опасный, чем жалкие, оставшиеся за спиной гадюки. Раздавил бы в лепешку, и конец путешествию!

Шофер, между тем, выскочил из машины, продолжая ругаться, шагнул к нему. Верно, хотел дать по уху, но в последний момент сдержался.

– Чучело гороховое! Убегал, что ли, от кого?

В другой ситуации Генка ни за что бы не признался в своих страхах, но этому сердитому мужику проще было сказать правду. И, судорожно кивнув, он пробормотал:

– От гадюк... Вон там. Сразу штук десять!

– Ага, прямо в засаду попал, – водитель, хмыкнув, стряхнул с Генкиной головы травяную пыль. – Ну, ты, бача, даешь! По пятам-то не гнались?

– Не знаю, я не оглядывался.

– Правильно делал, а то отхватили бы нос. А так – только штаны потерял.

Генка машинально опустил глаза вниз, и водитель проворно ущипнул его за нос. Он явно остыл, сменив гнев на милость. Загорелый и пропыленный, он оказался одного роста с Генкой, но годков ему было разика в три побольше.

– Мог ведь задавить, дурака. Запросто! Хорошо, на меня вылетел, я-то своего зверя в узде держу.

– Зверя?

– Ага, на четырех колесах... Чего худой-то такой? Из концлагеря бежал?

– Почему? Из Екатеринбурга.

– Далеко же ты забрался! А слово «негодяй» знаешь, откуда происходит?

– Не-е.

– От «негоден к строевой службе». Вот и тебя, похоже, к службе никто не готовил. Кожа да кости. Куда идешь-то?

– Так это... В Соболевку, – Генка еще не пришел в себя и продолжал шумно отпыхиваться.

– А в поле зачем поперся?

– Ну... Хотел семечек попробовать.

– Каких еще семечек?

– Да вон там подсолнухи, – Гена кивнул за спину. – Поле не частное, думал сорвать шляпку...

– Думал он... – мужчина фыркнул. – Чтобы думать, голова нужна, а у тебя как раз и есть та самая шляпка.

– Почему это?

– Да потому! Какие семечки, чудила! Они в сентябре-то редко вызревают. Это ж Урал, не Молдавия с Крымом... Ладно, отряхивайся да полезай.

– Вы до Соболевки? – обрадовался Генка.

– В Северуху.

– Так мне это... В Соболевку надо.

– Значит, по пути, не волнуйся. Вот если бы ты до Калача брел, тогда извини, а Соболевка совсем рядышком. Высажу на развилке, и ножками добежишь.

– Здорово! – Генка сунулся было к кабине, но водитель поймал его за плечо. Парнишка невольно обратил внимание на пятерню мужчины – огромную, темную, поросшую рыжеватым волосом. Такой ручищей, верно, можно было выжимать сок из яблок.

– Я же сказал: отряхнись сначала. У меня, конечно, не представительский «шевроле», но и не мусорная свалка.

– Понял, – Генка энергично начал стряхивать с себя колючки и семена. При этом исподтишка поглядывал на грузовик. – Машина у вас странная. Никогда таких не видел.

– И не увидишь. Потому как изделие моей собственной конструкции.

– Ну да?

– А ты думал, только у вас в городе умеют гайки крутить? – мужчина бросил в сторону своей «конструкции» горделивый взор. – Это, шнурок, не просто грузовик, это ветеран! Движок – Горьковского автозавода, крылья – от «Паккарда», а база от старенького грузового «Форда». Их еще по «Ленд-лизу» нам поставляли.

– Круто!

– А ты как думал! Слышал про «эмки»? Те, что «черными воронками» называли? Так вот мой старичок примерно в те же времена народился. Даже чуть пораньше «Родины» и «Чайки».

– Какой еще «Родины»?

– А это у нас первую «Победу» так именовали. Только машины – их ведь продавать приходилось, вот и соображай... В общем, переименовали «Родину» в «Победу».

– А есть разница? – Генка ухмыльнулся. – По-моему, наши машины – все равно лом, как их не называй.

– Мал ты еще, бача, – спокойно отозвался водила, – потому и не знаешь, что была у нас тоже своя эпоха расцвета. Горьковский-то автозавод не кто-нибудь, а фордовские спецы построили. И машины у нас в то время были получше европейских. Возьми ту же «Волгу» ГАЗ-21, – ну, чем плоха? Автоматическая коробка передач, дизайн, отделка! Конфетка, а не машина! И «Чайка», между прочим, была не хуже. Если б не тугодумы за щербатой стеной, весь мир завалили бы своей автотехникой.

– Чего ж не завалили?

– А это ты у кого повыше спроси. Я страной не командовал, я машины собирал. Вот этими самыми ручками.

Гена снова покосился на допотопного вида грузовик.

– Где ж вы набрали таких деталей?

– Известно где, – на свалке. Есть тут неподалеку клондайк местный, – поискать, так еще не такое можно найти. – Водитель глянул на простенькие ручные часы. – Давай-ка, брат, в темпике. Заболтались мы. Меня в Северухе шабашники ждут.

– Строите что-нибудь?

– Ломаем, – мужчина нахмурился. – Строят другие, а мы больше ломать приучены... Все, хорош, руками месить. Полежай на броню.

– Это куда? В кузов, что ли?

– Из кузова вылетишь. В кабину полежай.

Уже в грузовике он сунул Гене лопату-ладонь.

– Валера. Меня тут все знают.

– А я Гена.

– Случайно не крокодил?

– Не-е... – Генка заулыбался.

– Значит, не съешь по дороге, – Валера ухмыльнулся. – И не выкай мне, не люблю.

Гена кивнул. Острый на язык водила начинал ему нравиться. Да и глаза у мужчины были добрые, несмотря на плещущийся в глубине диковатый огонек.

– А почему «на броню»?

– Потому что нормальные машины броней зовутся.

– Вы воевали? – озарило Генку. – То есть, ты воевал?

– Догадливый.

– Давно, наверное?

– Война давно не бывает. Особенно если служил в ВДВ.

– Значит, ты был десантником?

– Я был сержантом. Десантных войск, – водитель вздохнул. – Так что, бача, мы с моим колесным зверем оба ветераны...

Покосившись на мощные кисти соседа, Генка разглядел татуировку с парашютом и маленькой звездочкой.

– А что такое бача? Ругательство?

– Да нет. Тоже словечко оттуда. А значит оно... – водитель поморщился. – Вот я, скажем, боец и мужик, а ты бача, пацан.

– Чайник, значит, – кивнул Генка. – Понятно. Ну, а как на войне-то было? Интересно?

Валера повернул голову, задумчиво поглядел на парнишку, снова отвернулся. Руки его при этом вполне самостоятельно запустили движок, переключили передачу. Грузовик качнулся, резво пошел в разгон.

– Я, наверное, глупость сморозил, – смутился Генка. – Извините.

– Проехали, – Валера просто кивнул. – Только не выкай. И держись крепче! Это тебе не «хаммер» с буржуйскими подвесками.

– Ты что, катался на «хаммере»?

– Не катался, – мрачно процедил Валера. – Ездил.

Машину тряхнуло, Генку подбросило на сиденье, макушкой приложило к потолку.

– А ты еще в кузов хотел, шнурок! – Валера снова улыбнулся. – Сейчас бы ласточкой на дорогу вылетел.

– Я не хотел...

– Ты не хотел, а другие ездят. Хватает умишка. У нас же тут гаишников нет, штрафовать некому, вот и калымят иные умники. Наберут грибников полный короб и дуют на скорости. Только по нашим дорогам особо не разбежишься.

– А в Северухе что делаете?

– Я же сказал – ломаем. Мертвая деревня. Уж лет десять как. Ну, а избенок полно – и вполне справные.

– Пустые? – не поверил Генка.

– Ага, тут у нас полно брошенных деревень. Либо бомжики пришлые заселяют, либо совсем никого. А в Новоспасском буржуи поселок затеяли строить. Что-то вроде элитного курорта. Участки скупают атомные – чуть ли не с футбольное поле. Бассейны роют, стены – все, как в древних крепостях. Вот и появилась халтура. Разбираем старые избы на бревна, нумеруем и везем туда.

– Непонятно. – Генка погладил ушибленную макушку. – Если буржуи, почему строят из бревен?

– А ты за них не переживай! Там всего хватает – и кирпича, и шифера, и бетона с мрамором. Только им ведь, глупышам, экзотику подавай. Чтобы, значит, подворье, как в старину, – с сарайчиками, мастерскими, банями... Флюгеры нашим дедкам заказывают, наличники, резьбу кудельную. Сейчас ведь модно в патриотов играть, – вот и мудрят.

– Все равно странно. Зачем им старье? Могли бы новый лес заказать.

– Новый дороже стоит, это, во-первых. А во-вторых, глупые они, может, и глупые, а тоже понимают, что старое – оно проверенное. Труху, конечно, не возьмут, но и цилиндрованных бревен тоже не хотят. Понимают, что это полное фуфло.

– А цилиндрованные – это как?

Валера не стал ехидничать, – объяснил просто и доступно:

– Значит, пропущенные через специальные станки – вроде токарных. И бревна после такой обработки получаются круглые, как карандаши.

– Что же тут плохого?

– Плохо то, что нарушается структура дерева, – подкорковый слой, годовые кольца и все прочее. Шкурить-то стволы тоже нужно уметь. Целое искусство это, брат! И класть бревна опять же надо с умом, не абы как. Раньше это умели, а теперь найди попробуй мастеров. Потому и разбираем избенки...

Гена кивал и продолжал глазеть вокруг. Поле игривым кенгуру прыгало в окнах, скачками летело мимо. Макушкой парнишка больше не бился, однако за металлический поручень держался крепко.

Между тем, лес стремительно приближался, терял сглаженность, превращаясь в неровную кардиограмму. Ногами уэллсовских марсиан справа и слева вышагивали столбы. И не столбы даже, а сплошные восклицательные знаки. Впрочем, мелькали и опоры «буквы»: А-образная, Л-образная, Г-образная, Т-образная. Словно кто нарочно решил поиграть с людьми в азбуку. Генка даже попробовал читать, но получалась форменная бессмыслица: а-т-а-а-л, т-г-т-а-т-а... Никаких тебе зашифрованных посланий, никаких советов. И кстати! Куда-то пропали провода! Черные и резкие, как линии в нотных альбомах, они были еще совсем недавно, это он точно помнил, а тут вдруг исчезли. Словно кто чертил, чертил по небу рейс-федером, а чернила взяли да кончились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.